

ИСТОКИ

Коллектив авторов
Ирина Антонова
Альманах «Истоки». Выпуск 12
Серия «Альманах «Истоки»», книга 12

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57151441

Истоки №12:

ISBN 978-5-00171-193-3

Аннотация

Двенадцатый выпуск альманаха «Истоки» 2019–2020 «совпал» со многими знаменательными датами: 220 лет со дня рождения А. Пушкина, 140 лет со дня рождения А. Блока, 75-летие Великой Победы. Радует широкая «география» альманаха: его участники поэты и прозаики Мо-сквы, Петербурга, Калуги, Алтая, Дагестана и даже один автор из США. Замечательные, исполненные оптимизма эссе И. Егоровой-Нерли, открывающие альманах, утверждают, что Пушкин и Блок неразрывны – это концепция её изящной графики – иллюстраций к альманаху. Свежо и проникновенно звучат голоса современных поэтов, обращённых к памяти наших литературных корифеев. Эссе Валерии Шубиной, как бы косвенно касаясь пушкинской темы, погружает нас в пушкинское время, заряжает его аурой и уводит к истокам «Пиковой дамы»... Обширный раздел альманаха посвящён 75-летию Великой Победы, выстрадавшая память

поколений – стихи, проза, отрывки воспоминаний. Авторы, в большинстве своём, дети фронтовиков. Нельзя не остановиться на новой поэтической книге Е. Славороссовой «Московские сны», завораживающей точностью и одухотворённостью городских зарисовок. Мужественны и человечны рассказы А. Кебадзе, посвящённые афганской теме. Блистательные эссе О. Наровчатовой создают неповторимые портреты Людей арены. Выразительны графические работы А. Кебадзе.

Содержание

На перекрёстках эпох	9
Ирина Егорова-Нерли	9
Рукопожатие поэтов или Встреча А. С. Пушкина с А. А. Блоком в ХХI веке	9
Здесь и сейчас...	13
Ирина Егорова-Нерли	15
«...Пока не выплеснет задоры...»	15
Перед графическим полотном «Золотой петушок»	16
Перед памятником А. С. Пушкину в Мехико	18
Поэзия	21
Ирэна Сергеева	21
Стихи о Пушкине	21
Алеко	22
Юрий Влодов	25
Сюжеты о Пушкине	25
Сюжеты о Блоке	31
Сергей Телюк	35
Воспоминание о Захарове[1]	35
Евгения Славороссова	37
Давней зимой в Михайловском	37
Ксения Наровчатова	39

«Я ясно помню...»	39
Ольга Бондаренко	41
Памяти Пушкина	41
Анри Маркович	42
Музей в Захарове	42
Шахматово	43
Валерий Дударев	45
«Повсюду в этой мастерской...»	45
Андрей Шацков	46
В Шахматово	46
Наталья Божор	48
Пушкину	48
Александрю Блоку	50
Традиции и современность	53
Ирина Егорова-Нерли	53
Здесь и сейчас	53
К 75-летию Победы	62
Ирина Антонова	62
«Я – наследница Победы...»	62
Анри Маркович	64
Память	64
Николай Иодловский	66
Отца ужалила война	66
Битва за Берлин	66
Привал	67
Бункер	68

Григорий Егоркин	69
Этот Май	69
Ольга Бондаренко	71
И. В	71
Базар в дни войны	72
Александр Точнов	75
Война	75
На вольном просторе	75
Борис Ольхов	77
Была война...	77
Военное детство	77
Синеглазка. 1942 г	78
Садовое кольцо. Лето 44-го	80
Фильм по роману Василия Гроссмана	81
«Жизнь и судьба»	
Василий Тёркин	82
Весна 41-го – лето 45-го	84
Старый ров	86
Три танго	87
Сосна Кавторанга	88
Наталья Окенчиц	91
Комната боевой славы	91
Батарея Зубкова	93
Ирэна Сергеева	95
Стараясь забыть печали	95
Анатолий Антонов	97

Солдат	97
Проза	105
Галина Гашунина	105
Душа моя, Елизавета	105
Книга в альманахе	110
Евгения Славороссова	110
Московские сны	110
Воробьёвы горы	115
Памятник Ломоносову	116
Библиотека	117
Шкатулка Москвы	119
Романс о первом снеге	121
Ледяное окно	122
Анемоны	123
Прогулка с собакой	125
В кафе	126
Иллюзион	128
Фантазия зимней ночи	130
Ночь	132
Замёрзшие слова	133
О марте	136
Старый дом	139
Безумный апрель	141
Песенка предместий	143
Гроза над городом	144
Сокольники	148

Музыкальный день	150
Цветной бульвар	152
Казанский вокзал	153
Московская сказка	154
Грайвороновский проезд	156
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Ирина Антонова

Истоки № 12

На перекрёстках эпох

Ирина Егорова-Нерли

Рукопожатие поэтов или Встреча А. С. Пушкина с А. А. Блоком в XXI веке

Как порой мы ловим себя на интуитивной способности говорить пушкинскими стихами и мечтать вместе с Александром Блоком о Прекрасной Даме – так исподволь два века русской литературы – Золотой и Серебряный становятся частью нашей души, а по определению, повторяя за Сати Спиваковой – настоящей «нескучной классикой». И можно ли, соединяя Пушкина и Блока в одном номере нашего альманаха, думать по-другому, если, отмечая и проживая новые памятные даты, мы меняемся, и в нас, как иногда кажется, промыслительно растёт пушкинская мудрость, непосредственность, ирония и беззащитная честность, а «Святое сердце Александра Блока», как – когда-то нараспев – произнесла

Марина Цветаева, время от времени сжимается и гулко стучит уже в наших, нервных от надежды и отчаяния строчках. И спустя столетия подтверждается значимость напутствия А. С. Пушкина:

Веленью божию, о, муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.
Лучше не скажешь! Да и муза по-другому не велит...

Итак, тема задана юбилеями наших классиков – 220 и 140 лет со дня рождения. Конечно, русская литература стала мировым брендом, давно вышла за рамки русского языка: сохранила и непримиримость в поиске идеала, и жажду справедливости, и христианское тепло вечной защиты, любовь к родному пепелищу, и ответственность за неслыханные перемены, невиданные мятежи. Всё это так. И великие наши предшественники пережили свои пограничные времена: восстания, войны, перевороты и революции. Из века в век происходит противостояние героя и толпы, человека и государства, поэта и власти.

Как и о чём писать – загадка, равная смыслу жизни.

Однако, именно Пушкин подарил нам и музыкальную форму повседневной речи, и безграничные возможности Слова, как носителя истории и менталитета страны – и свою, неповторимую палитру лирических откровений, характеров

и сюжетных линий (Пушкин – наше всё!).

В свою очередь – Александр Блок продолжил традицию поэтического ремесла мелодичной игрой запоминающихся строк и неуловимой гармонией звуков. Эта запредельная чуткость к урокам XX века охватила поэта накануне «крушения старого мира». По сей день романтический универсальный и всё же оптимистический реализм Пушкина свободно соседствует с мистическим и пророческим символизмом Блока.

И можно ли найти в литературе подсказки и советы, четкие указания: Как надо жить и что-то изменить в этом мире?.. Не перекликается ли «музыка революции» А. Блока с нарастающим шумом бурной Невы, сметающей всё на своем пути? – мучительный лейтмотив «Медного всадника».

И донныне – не умирают главные темы русской литературы! Ведь действительно: какие цели могут оправдать человеческие жертвы?.. Имеют ли право царствующие особы, «властелины судьбы» класть на алтарь исторических задач жизнь простых людей? И до сих пор настойчиво, как и по всему XX веку, звучит пушкинский шёпот обезумевшего Евгения:

«Ужо тебе!...», а по мостовой —
За ним несется Всадник Медный
На звонко скачущем коне...

В этом бешеном ритме – «И я бы мог...» (мог быть с декабристами!), – повторяем мы вслед за Пушкиным: в этом

угрожающем стуке «Трах-тах-тах!» и «державный шаг» солдат из поэмы «Двенадцать». Переломный момент истории России. Сгорело Шахматово. Александр Блок потерял человеческий уют, здоровье..., но остались достоинство и голая идея изменения строя: всё-таки непросто жить по-новому, а неоконченная поэма «Возмездие» – свербящая совесть поэта, ведь и «капля политики», как и «упоеание в бою», не всегда означает путь до конца.

Поэзия требует не только напечатанного слова и его мелодии: поэты, балансируя у «бездны на краю» рискуют, конечно, и своей жизнью. Так – искупительно-драматична участь больших художников. Так современно и по-отечески горячо отвечает нам А. Блок в Прологе к поэме «Возмездие»:

... Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрашной мерой
Измерить всё, что видишь ты.
Твой взгляд – да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.

Пушкин и Блок – оба – через век повторили судьбу поэта в России. Так произошло соединение чувств, соударение звуков, содружество мыслей и рукопожатие двух гениев на бесконечном фронте творчества.

Как бы ни менялась страна – редакция «Истоков» пытается сохранить Слово и, отталкиваясь от исторической, подвижнической сути альманаха, собирает деятелей и пропагандистов живого языка, чтобы со страниц всероссийского издания звучала и укреплялась внутренняя мощь подсознательной общности народов России, которая так же, как и в предыдущие века рождает из своего людского моря поэтов и художников, писателей и литературоведов – всех, кто не мыслит своё существование без жизни в Слове и кому дана связь с великой традицией и не обузданное рамками своего времени желание говорить и писать по-своему – самозабвенно лепить образ Родины:

Здесь и сейчас...

На исходе года театра в России – в альманахе «Истоки» графика соединяет наших любимых поэтов – Пушкина и Блока. На фоне Пушкина снимается каждое семейство (Конечно, прав Булат Окуджава!), но и сейчас портреты Александра Блока – не менее достойный фон для любого поэта и писателя. Да будет так. Постараемся оправдать их доверие: пусть иллюстрации и заставки дополнят все недосказанное, что делает их поэзию великой и родной...

Ирина Егорова-Нерли
Из книги-альбома
«Сквозные отражения» ©

«...Пока не выплеснет задоры...»

Александрю Блоку

...Пока не выплеснет задоры
Чудная задумь, что в груди —
Небес ночные заговоры
У зыбкой зорьки отсуди:
Бери цветов пьянящий роздых
И клейкой зелени ослеп —
Пусть глянут дни, где поля роздаль
Встречала юношу в седле.
Где билось ветра сокрушенье
За вздымом призрачных стогов
И кобылицей на мгновенье
Летели сны из тьмы веков.
Где от Непрядвы гулкой вихорь
Гремел грозою за окном
И отчий дом в преддверье лиха
Палили красным петухом.

Где шалый жах мужицких песен
Хлестал по горлу кипятком
За хворь истерзанных полесий,
За взгляд с бодрящим огоньком,
За всё изнеможенье весен
До заточенья в колкий лед,
За взрыв привычных равновесий
Из века в век, из гола в год,
За это зарево сожженья,
Когда душа как буй-река
Затребует освобожденья
Пурпурной удалью платка.

Перед графическим полотном «Золотой петушок»

Александрю Воронкову

О, не о том писать охота,
Что нас к трагедиям ведёт:
Но снова «тайная свобода»
Сказать по-пушкински зовёт.
И если выстрадано право —
Поспорить с временем холстом,
То стычка с Властью, Боже правый,
В душе отметится Крестом...

Предвидя горькие години,
Рисует твёрдая рука
Пиры, убийства и руины
В бесовском вое сквозняка.
Былых соблазнов наважденья
Волнуют музыку строки,
И поле нового сраженья
Готовят давние грехи.
Как искушения бездонны,
Как преступленья велики —
Вольготно царствуют Додоны,
Возмездье кличут петухи...
29 ноября 2007 года, РАХ

EX LIBRIS

Перед памятником А. С. Пушкину в Мехико

А. А. Бичукову

Много ль помнится «чудных мгновений»
В суете, окружающей нас?..
Вечный Пушкин – нечаянный гений,
Что ты в Мехико ищешь сейчас?

Реет факелом долгая стела,
Пышет радостью бронзовый бюст.
И как будто с иного предела
Сей огонь несгорающих чувств.
От его многолетнего зова
Сквозь века длится пламенный рай,
Тайный жар вдохновенного слова
Осеняет воинственный край.
Видно Мексики небо седое
Охраняет в просторах своих
Всей России чело золотое
И божественный пушкинский стих.

6 июня 2009 года

Поэзия

Ирэна Сергеева

Стихи о Пушкине

В ночь! Прочь от первых поцелуев,
от непорочных лет лицейских!
Фонтанка. Театр. Мост Поцелуев...
Коломна... Снег... Мост Полицейский...
Нет, нет и нет! Ещё не этот —
январь шагов твоих последних!
Не тот! Не этот. И не этот...
А кто стихов твоих наследник?..

* * *

Полюбить лицеиста — не думать
о судьбе его и о стихах...
Шёлк волос его — счастье в руках,
одуванчик, так хочется дунуть,

но от невского ветра сберечь
прелесть, юность, свободную речь.

* * *

Этот кот уже учёный,
по цепи не ходит он...
А народ, хотя крещёный,
сказки любит, сладкий сон...
Александр Сергеевич Пушкин,
наш любимейший поэт,
знал, почто стреляли пушки,
ошибался, чаще – нет...
И суда на это нет.

Алеко

*В таборе Пушкина
наверняка, называли,
как своего, Алеко*

Смотрел коня он на базаре.
Пришли – прослышали о нём —
цыгане: «Одари нас, барин,

тебе и спляшем и споём».

И в таборе, в степи молдавской,
кудряво-смуглый, как цыган,
он чудной любовался пляской,
от бубна и от пенья пьян.

И отдал деньги – всё, что было,
и жадно повторял напев,
и полюбил с мгновенной силой
одну из огнеоких дев.

Но вот луна уже сменилась.

В ночи у дымного костра,
иной любовью сердце билось,
прося бумаги и пера.

Ему повеял ветер века,

По-русски боль пронзила грудь...

И поняли: «Прощай, Алеко!

Иди один, твой долог путь».

Юрий Влодов

Сюжеты о Пушкине

I

Светильники... Гербы...
Ночные менюэты...
Осенняя земля, —
Что вечная ладья!..
Как Вечные Жиды
Курчавятся поэты,
Как вечный идол, прям
Земных затей судья.
«Ужо вам, писаря!
Арапы! Графоманы!..»
В стеклянной тишине:
«К барьеру, певчий трус!!»
Сквозь длинные снега
И длинные туманы —
Рабочий звон курка
И пристальное: «Ну-с!..».
Как вечные рабы
Курчавятся поэты.

Как вечный идол, прав
Земных забав судья!
Светильники. Гробы.
Ночные менуэты...
А зимняя земля, —
Что вечная ладья!
Весенняя земля...
Но где-то в чужедалней
Степи моей родной —
Над брэнною душой —
Играет мой кузнец
С огромной наковальной...
О, сладостный кузнец,
Поэта брат меньшей!

III

О, балы мои далёкие!
Колокольца снежный звон!
Неопознанные локоны
В бликах ёлочных окон...
Зажигали свечи чистые...
Заполняли синевой...
Полонезами лучистыми
Плыли зимы над Невой.
И на санные излучины —

В запах милый, меховой —
Опускался кто-то мученый
С эфиопской головой...
И взлетали галки снежные
Из-под санного ножа!
И была метель мятежная
Оглушительно свежа!

IV

Светлело, а гусиное перо
Резвилось, как младенец неразумный,
И глаз косил безбожно и хитро
На этот мир – застенчивый, но шумный.
Пищала птаха, тихо зрел ранет,
Сварливый клён под окнами возился...
«Ужо тебе!» – воскликнул вдруг поэт,
И кулаком чернильным погрозился.
«Ужо тебе!» – и весело со лба
Смахнул волос воинственную смуту...
Не знала Русь, что вся её судьба
Решалась в эту самую минуту.

V

Монарх изрек:
«Что всеу Смерть?..
Палач – для этикету...».
И пояснил:
«Всё должно сметь!»
И подмигнул поэту.
И прояснил: «Нам жизнь дана
На вящую удачу!
А тут альбом: «Взойдет она...»
Сей стих подобен плачу!..
Уж коли глиняный колосс —
Не место быть страданию...»
И кольца пушкинских волос
Взьерошил нервной дланью...
Басы опробовала медь,
И отпрыск Ганнибала
Вскочил с колен!
Забыл про смерть!
И ждал ночного бала...

VI

На тебя за неделю четыре доноса! —
Потерпи, – за талант, за стихи...
Бенкендорф не донёс табакерку до носа,
Оглушительно гаркнул: «Апчхи!»
Пушкин взвился, ощерился, фалды трубой!
Побелел негритянской тягучей губой:
– Как? Чтоб склочная бездарь поэтов чернила?! —
Разгоню, как помойных ворон!
Самой белой бумаги! Перо и чернила!
Покупайте их оптом, барон!

IX

Слетают листья с Болдинского сада,
И свист синицы за душу берёт.
А в голубых глазах у Александра
Неяркое свечение берёз.
Суров арап великого Петра!
А внуку – только детские забавы...
Он засмеётся белыми зубами
Под лёгкий скрип гусяного пера.
«Ребятушки! Один у вас отец!..»
И на крыльце – Пугач в татарской бурке...
А на балах, в гранитном Петербурге
Позванивает шпорами Дантес...
На сотни вёрст глухой и гулкий лес...

Тебя, Россия, твой изгнанник пишет...
Вот он умолк... А, может быть, он слышит
Прощальный крик гусей из-под небес?!..
Она все ближе – тёплая зима,
Где выстрелы, как детские хлопушки,
Где в синий снег падёт руками Пушкин,
И из-под рук вдруг вырвется земля...
И Натали доложат: «Он убит».
Ей кто-то скажет: «Вы теперь свободны».
И с белых плеч сорвется мех соболий,
И медальон на шее задрожит.
Пробьётся луч весенний, золотой.
И будут бить на празднике из пушки.
И только под Михайловским, в церквушке,
Звонарь встревожит колокол литой...
Ну, а пока – туманная пора.
Всё в липкой паутине бабье лето.
И небо – в голубых глазах поэта!
И нервный скрип гусяного пера...

XI

Под чугунным небосводом,
Над крестьянским Чёрным бродом,
Где болотом пахнет муть,
Где ночами лезет жуть,

Над безвинной русской кровью,
Над захарканной любовью
Пушкин плачет у ольхи:
Жизни нет, а что – стихи?!..

XII

Смерть Пушкина

Порвал с двусмысленным признаньем, —
С глухим, докучливым дознаньем,
Встал на победном рубеже!
И врач-пруссак следит со знаньем
За полыхающим сознаньем
Поэта – мёртвого уже...

Сюжеты о Блоке

*** * ***

Слепые силуэты Петрограда...

Густой туман, как дым пороховой...
А он поник белесой головой
Над столиком трактира «Эльдорадо».
Совсем не «Эльдорадо»... Нет, не то...
Пульсирует заточенная жилка.
Роняет блики смрадная коптилка
На чёрное старинное пальто.
Шарманка задыхается за дверью,
Надсадно и застуженно сипит...
И деревяшка адская скрипит.
И чья-то рожа смотрит в окна зверем...
Его рука невысказанно бела,
Нет, он не спит, он только стиснул веки.
Как трудно быть мужчиной в этом веке,
Когда зовут в ночи колокола!
А над кабацкой стойкой Незнакомка
Кокоткой размалёванной грустит...
А он – руками белыми хрустит...
А он смеётся коротко и ломко...
Потом встаёт и падает стакан,
И он ногой ступает на осколки.
И сразу в грудь ударит ветер колкий,
И двинется над городом туман.
Он у мальчишки спросит папиросы,
А впереди – неясные, как сны,
Горят в тумане красные костры,
Шагают гулко красные матросы.

* * *

Дежурной улыбкой лучится
С кого-то срисованный бог.
И мечется огненной птицей
За тёмными окнами Блок.
Он светлые видит аллеи...
Он слышит волшебный рояль...
Воздушное платье алеет...
Пугливо взлетает вуаль...
А тот, волосатый и дикий,
За Музой шагнёт в листопад...
И Муза с глазами Юдифи
Лицо запрокинет назад...
Срастаются намертво брови.
Крылатая тень на стене.
Нелепо расплющенный профиль
На тонком холодном стекле.

Сергей Телюк

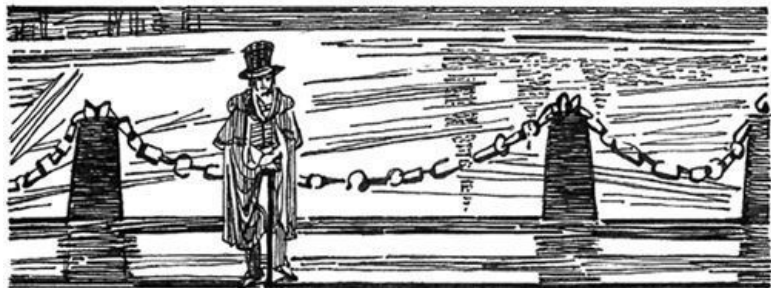
Воспоминание о Захарове¹

То чудится тебе... А. С. Пушкин

Светает. Тихо за окном.
Ещё не наступило утро,
ещё живу вчерашним днём,
в котором (призрачном как будто)
я вижу рощу – но не здесь —
деревья, мальчик между ними.
И так шумит наивный лес,
что явно называет имя...
Да зря. Подсказок не терплю.
Я знал, кто назначает встречу
в том достопамятном краю,
спроси – и я тебе отвечу,
кто по тропинке той шагал...
О, сколько прелести в начале —
когда судьбой своей назвал
тревоги, горести, печали.

Март 1984

¹ Захарово – родовое поместье Ганнибалов в Подмоскowie.

Евгения Славороссова

Давней зимой в Михайловском

О снег той дальней волости,
О мех медвежьей полости,
Объятья без помех.
О скрип, о вскрик, о смех!

Шепнуть: «Умчу из терема»,
«Перчатка? Ах, потеряна!»
О страсти на ушко.
И страшно, и легко!

Мечтание, катание,
Цыганское гадание:
«Любовь во цвете лет,
Дорога и валет».

Ах, брови эти чёрные,
Ах, лошади проворные.
«Но, мёртвая, балуй!»
И вздох, и поцелуй.

Укрыть мехами бурыми,

Дурачить каламбурами...

А ночью стол, свеча,

Не спать, стихи шепча.

Как знать, что с нами станется?

Но навсегда останется:

Тот смех и плач пурги,

И в комнате шаги.

Писать и верить: «Сбудется!»

И мне так ясно чудится

Та ночь и белый снег,

И рифм летящий бег.

Ксения Наровчатова

«Я ясно помню...»

Я ясно помню —
Он сидел один
За круглым небольшим столом.
Серые тесные стены
Окружали его пустотой.
Я была рядом —
Он этого не замечал —
Время стояло между нами.
Он ждал, долго ждал,
Глядя напряжённо перед собой,
Чтобы кто-нибудь пришёл к нему.
Но никто не приходил.
Тьма сгущалась
И охватывала его.
Только стеклянные двери блестели.
Послышались шаги,
Показалась женщина —
Его юная жена.
Пушкин подался вперёд,
Взгляд распахивал двери,
Но она прошла мимо,

Он опустил глаза
И поднял их вновь.
Никого не было,
Сон отступил.
На полках стоят
Залитые светом книги.

Ольга Бондаренко

Памяти Пушкина

Мы все любили жизни гам!
И шум, навеянный Отчизной,
Бросали весело к ногам,
Как песню юности капризной.

Но все любили мы не зря
Стихи, как песни ветровые,
Музыку слов благодаря
За слёзы первые... живые.

Анри Маркович

Музей в Захарове

Вхожу в музей Захарово
Жил мальчик Пушкин здесь.
Музей отстроен заново,
Покрашен краской весь.
В старинном стиле комнаты,
Начищен самовар,
И кирпичи расколоты.
Повадки русских бар.
Буфет, напитки разные,
Бутылок старых пыль.
О, как потом он праздновал
И до рассвета пил.
Диван, часы каретные,
Картины на стене...
Шептал слова заветные
Французские во сне.
Переводил из Байрона
В неполных восемь лет.
Я вижу на проталинах
Сапожек резвый след.
Подскажет жизнь поместная

Дубровского портрет,
Мелькнёт канва чудесная,
Проявится сюжет.
Спесивца Троекурова
Он подсмотрел в селе.
Иду, погода хмурая,
И лужи на земле.
Гляжу на столик ломберный,
Картёжник был поэт.
Кладу цветок я сорванный
На Пушкинский портрет.

Шахматово

Цветные стёкла мезонина,
Окно, распахнутое в сад...
В привычном сумраке гостиной
Портреты прадедов висят.

Неярко освещает лампа
Собранье книг под потолок...
Где фейерверк, салютов залпы? —
Здесь люстра лишь в один рожок.

Письма раскрытая страница —
Каллиграфическая вязь...
Чьё сердце юное томится,

В веках не прерывая связь?

Валерий Дударев

«Повсюду в этой мастерской...»

Сотри случайные черты...

А. Блок

Повсюду в этой мастерской
Недорисованные лица,
Глухая вечность и покой.
Здесь можно снова повториться
Печальный дол, осенний парк,
Дорога, сердцу дорогая...
Художник здесь Васильев-Пальм
Рисует, время отвергая.
Черты случайные сотрет,
Штрихи счастливые добавит, —
Поймёт, придумает, восславит,
Прекрасно зная наперед,
Что не дожидаться похвалы
И ничего не повторится...
Но как печальны и светлы
Недорисованные лица.

Андрей Шацков

В Шахматово

На камень положен тюльпанов букет.
(А лучше бы были лесные фиалки) ...
Неужто тут дом, где Великий Поэт,
Провидя Неправду, не ведал о Калке?
Себе на погибель Любовь он привез,
И сколько бы лет ни прошло после свадьбы,
Сожрал революции красный цирроз:
Здоровье, и книги, и стены усадьбы!
Лишь лип вековых непосеченный строй,
Засадной дружиной овраг занимая,
Шуметь на ветру принимался порой,
Чтоб нового в схватке низринуть Мамаю.
Россия, пока не исчерпан исток,
Пока не замглилось «Ярое Око»,
Замри на коленях, где ранее Блок
Вершил на холме без царя и без Бога!
И поле его Куликово – здесь!
И Чёрная речка с водою Непрядвы.
И весь он Российский, и праведный весь.
И даже «ДВЕНАДЦАТЬ» – апостолы правды!

17.03.1994 г.

«Шахматово»

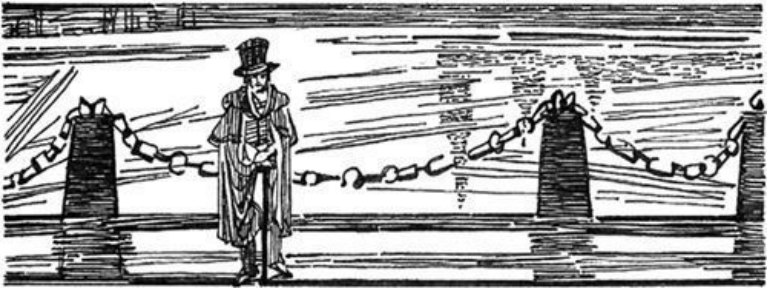

Наталья Божор Чеканною рифмой

Пушкину

Мой Пушкин
Ушёл
Молодым
Прекрасным
И северным
Утром
Он
В Небе
Растаял
Как дым
Чеканною
Рифмой
Воспета
Его улетела
Душа
И звёздное
Сердце
Поэта
На Землю
Глядит

Не спеша
Мой Пушкин
Бесстрашное
Сердце
И Воля
Его
И Покой
Чеканною
Рифмой
Чудесной
Он звёзды
Раздвинул
Рукой
Прекрасным
И северным
Утром
Он
В Небе
Растаял
Как дым
Стихом
Несказанным
И мудрым
Мой Пушкин
Ушёл
Молодым

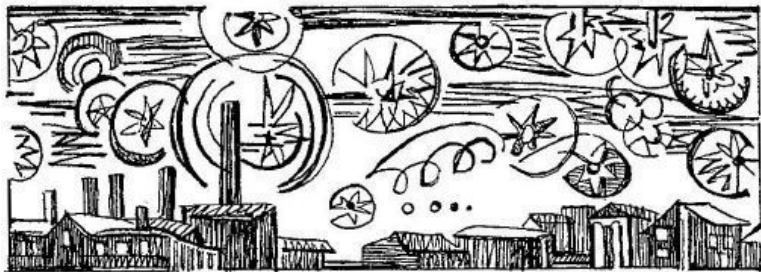

Александрю Блоку

В том
Краю
Где встают
Голубые
Туманы
И рассветы
Венчают
Строкой
Горизонт
Где встречают
Поэтов
Волшебные
Страны
Там
Прекрасная
Дама

И звёздный
Чарующий
Сон
Неземные
Стихи
Неземные
И звёздные
Песни
Там
Прекрасная
Дама
Туманом
Встаёт
Вдалеке
Где встречаются
Поэтов
Забытые
Песни
И зелёные
Замки
На звёздном
Песке
И Прекрасная
Дама
Проходит
Звездой
Бездыханной
В том
Краю

Где рассветы
Венчают
Строкой
Горизонт
Где встречаются
Поэтов
Волшебные
Страны
Там
Прекрасная
Дама
И звёздный
Чарующий
Сон

Традиции и современность

Ирина Егорова-Нерли

Здесь и сейчас *Эссе*

* * *

Бездонна грешной силы прорва,
Безмерен звёздный путь времён...
Но камень в камне – не разорван,
И Образ в образе спасён.
Повсюду – топот, шум и шёпот,
И сильный сильному под стать.
А поединка смелый опыт
Итожит страсть и Благодать.
От слов остались междометья:
Их смысл – Промысла печать.
И бык летит через столетья,
Предупреждая нас опять...

Этот экспромт родился на выставке «Здесь и сейчас» в Большом Манеже (26.07–25.08.2019) – возник сразу при первом беглом просмотре. Стихи определили для меня уже мою идею в проекте «Атлас творческих студий Москвы». Ошибается тот, кто думает, что произведение современного искусства имеет одну – верную – трактовку. Не вдаваясь в детали, спешу заметить: сделать проект о творчестве в столичном мегаполисе – смело и своевременно! Двенадцать павильонов-лабораторий продемонстрировали, на мой взгляд, любопытную по своей концепции часть творческого образования Москвы.

Здесь представлены графика, живопись, архитектура, мозаика, скульптура, фотография, танец, мода, кино, уличное искусство и новые технологии. Можно сказать, что мы листаем книгу, написанную о всех видах творчества, а вернее – о процессе зарождения и создания произведения искусства. Анализируя классику – платформу мастерства – мы прикасаемся к заготовкам, эскизам, наброскам, макетам: к импровизациям и репетициям того действия, которое предшествует появлению совершенства – свободного высказывания формы, оплодотворенной уже найденным содержанием.

Теперь подробно остановлюсь на трактовке одного из символов выставки: бык, как и положено быку, «вбегает на арену» и привлекает всеобщее внимание...

В современном искусстве всегда подразумевается боль-

ше, чем предлагается автором, и наше представление не исчерпывается одним мнением. Если в графическом павильоне (Британская высшая школа дизайна Виктора Меламеда) анимация приобретает оформительский характер, и бык как часть животного мира, заключённого в танцующий орнамент, сохраняет тягучее пятно цвета и узнаваемый силуэт, то в мастерской Д. А. Крымова (ГИТИС) бык становится центром театральной постановки. Во имя чего бык оказался в красном защищающем круге сцены? Что в сознании режиссёра допустимо для толкования, а что всё-таки останется тайной?

Версия обгоняет версию: каждый посетитель, балансирующий в седле быка, борется за равновесие на сцене и уступает своё место – следующему. «А приручить его попробуй и оседлать его сумей! – Чур, меня», – слышится в павильоне. И впрямь – чёрный бык с красными рогами, красным седлом и в красном круге (популярный цвет Д. А. Крымова) готовится к схватке. Бык крутится и наклоняется в разные стороны в зависимости от того, как его оседлал человек, а яркий круг – его территория, мастерство или, может, и высшая сила? Так что же будет в итоге? Кто для нас актёр: избранник, жертва или герой?

Про себя я подумала о многом, но с этой загадкой театра мне не по силам справиться одной... В окружающем нас прохладном воздухе было то, что ещё не заметили мои собеседники: за нами наблюдала муза – покровительница всех

искусств. Муза торопила события, чтобы мы успели высказаться и творческие студии могли реализоваться как будущие музеи и центры в один дом и под одну крышу Москвы. Ведь московскому пространству нужна ДУША, а по сути – незаконное и любимое дитя каждого художника – ЗВУЧАЩЕЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВО! А как – через звукопись слов дать жизнь своей мысли в строчках?..

Не ручная – дикая,
Жалящая страсть —
По вселенной мыкая,
Приучает красть:
Белизну у облака,
Холод у реки,
С вдохновеньем об руку —
Голод у строки;
У безумных – кликости,
У влюбленных – сон,
Пульсом многоликости
Отбивая звон...

Муза на стороне художников, и всё случайное неслучайно.

Интуиция – самый лучший попутчик в творчестве! Театр богат подтекстом: театр – метафора человеческой жизни, а бык – способ существования актёра. Бык – агрессия силы, как и желание ответить. Поэтому и был готов мой ответ

Дмитрию Анатольевичу Крымову – ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС!

Спектакль – Эзопова притча,
Истории громкий наказ:
Под маской меня обличья
Случается ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС.
Как скрыть до поры суть развязки
И вольной игрой для повес
Разжечь обаяние сказки
И вызвать живой интерес?
Ведь в том, добровольческом плене
Театр – проверка и знак:
Что весело видеть на сцене,
То в жизни – безрадостный мрак.
Где мысль задыхается в форме,
Там зритель в актёрской душе
За страстью в пьянящем содоме
Предчувствует жизнь в мираже.
И пьеса смешит без раздумья,
И вдруг обостряется ум:
Художник на миг от безумья —
Пророк в состязании дум.

Да, на подмостках сцены дано понять театр жизни. Хотя, как в испанской корриде, если бык не понравился залу – его убьют! А в нашем случае – бесследно уйдет актёр, погибнет роль и само предназначение театра? Вслед за моей мыслью в тишине павильона будто повисает не озвученный вопрос

Д. А. Крымова... Конечно, оседлать быка может любой зритель, но кто удержится в седле?..

Из театральной студии я попадаю в мир монументального искусства. Это авторская школа мозаики Александра Корноухова – международный полигон творческих поисков и находок на базе МГХИ имени В. И. Сурикова и Российской Академии художеств. По замыслу руководителя мастерской доисторический бык – не только символ, но ещё и движение образа во времени.

А жизнь, меняя очертанья,
Следит за играми быков,
И от борьбы до состраданья
Дорога, вера и любовь.

Теории художника-монументалиста А. Корноухова созвучны и моему поэтическому настрою. Я вижу: отчётливый силуэт быка – поперечные камни, как столетия (наслоение культур!), движутся в определённой форме. Бык растёт и совершенствуется – преодолевает горизонты века. Как планеты и звёзды, бык в движении, во времени – в мозаике: скульптура в скульптуре.

Если время оформилось в камень —
Значит, время и камень сошлись.

Иначе – двигаясь сквозь смену и развитие цивилизаций –

родился образ и окаменело слово. Так в России сакральное искусство мозаики прошло тысячелетний рубеж от XI века (Древняя Русь) до наших дней.

Посещая студии-павильоны всемирно известных деятелей культуры, я неожиданно поняла, что их творческие методы и системы находятся в поле зрения моего вдохновения:

Садись в седло, хватай быка за холку
И крепко за ремень держись,
И сущность слова не теряй без толку —
И тёмный зал прослушивай, как жизнь!

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС происходит наша земная жизнь. Мы стоим на своей сцене, держим оборону и готовимся к встрече с судьбой. Только сильному по плечу сильные чувства: прозрение и победа над собой земным во имя себя «бессмертного». Пьедестал или поражение, слава или изгнание – всё учит и, расширяя поток образов, зажигает энергией творчества, ведёт к результату – к новой ступени и закрытой двери, за которую предстоит заглянуть. Таким образом, театр – мгновение, в котором протекает жизнь **ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС**. А кто сможет выдержать это состязание – побывает в одиночестве прозрения и бесстрашно вернётся обратно.

Я и мы. Артист и зрительный зал. Художник и окружающая реальность. Картина и бесконечное кино жизни. Миг театра и мозаика в камне. Итак – сравнивая и сочетая масштабы разных состояний, мы видим, что единица входит в мас-

сы и массы выталкивают из себя одиночек, а в итоге всё равно поединок одного человека и общества, одержимого индивидуалиста и пассивного большинства продолжается всегда. И если, усваивая правила и какие бы то ни было законы этой борьбы, смельчаки приобретают уверенность в себе – то провидцы, открывшие недоступное и прикоснувшиеся к невозможному, уже не боятся сцены, а говорят на равных с темнотою зала, с бездной и остаются в искусстве.

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС – тема для будущих диалогов: для Москвы, вобравшей в себя калейдоскоп всей России с её мощью, пространством, её народами, противоречиями и достижениями. Человек – гражданин – житель Москвы может стать и личностью, и лидером: оседлать «быка публичного театра» и быть на равных с неизвестностью, которая соединяет жизнь и судьбу.

Человеку дан выбор: быть в толпе, в зале – случайным зрителем – или выйти на трибуну в красное огневое облако страха: шагнуть и остаться поэтом, высекающим искры из тьмы, слова из немоты, изображения из пустоты.

Талант не боится измены,
Но зрительский глаз – не пустяк:
Боюсь не предательства сцены,
А жизнь проживать просто так...
Мы здесь не затем существуем,
Чтоб прошлому плакаться вслед.
Мы **ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС** торжествуем

В преддверии трудных побед.

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС – значит навечно, ибо «то, что происходит сейчас – это и есть вечная жизнь», – когда-то утверждал Мераб Мамардашвили и, конечно, должно быть услышано и увидено теперь.

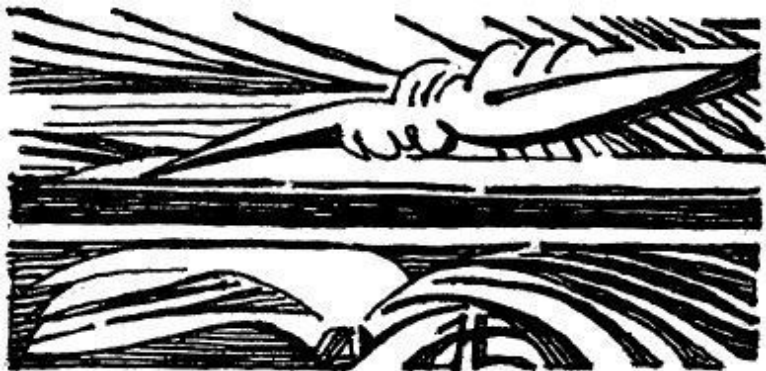
К 75-летию Победы

Ирина Антонова

«Я – наследница Победы...»

Я – наследница Победы.
На ветру сгорают дни.
Никуда я не уеду,
Хоть метлой меня гони.
Все пути приводят к Риму
И в Москву они ведут.
Здесь бывали мы любимы.
Здесь, нам кажется, что ждут.
На горах, на Воробьёвых,
Где запутаны следы,
Кружат бабочками снова
Наши тени у воды.
Век двадцатый, непредвзятый,
Мы на ты с тобой давно,
Промелькнувшее когда-то
Прокрути мне, как в кино.
Дай почувствовать истому,
Где трамвайные пути,

Где ни дерева, ни дома,
Ни дороги не найти.
Лишь в густой траве забвенья
Одуванчиковый пух,
И мои стихотворенья
Месяц май читает вслух.

Анри Маркович

Память

Уже фашисты были в Химках,
Казалось, что Москва падёт...
Но снова в хронике и снимках
Внезапный этот поворот!
Бойцы из корпуса Доватора
Смертельный развязали бой.
В снегу взрывались детонаторы,
Панфиловцы кричали: «Стой!
Не пропущу, фашист проклятый,
Испепелю тебя, сожгу...»
И ополченцы шли с Арбата
Навстречу грозному врагу.
Не торопил событий Жуков.
Бойцы ощерились, как львы.
Победа зарождалась в муках,
На всех путях зияли рвы.
Разгром нацистов под Москвою
Фашизма означал закат.
О, внук, склонись перед героем,
Ведь заслонил тебя солдат!

雀

Николай Иодловский

Отца ужалила война (триптих)

Памяти отца

Битва за Берлин

Отец мой помнил этот бой,
И как не помнить в жизни нашей,
Он мстил неистойвой пальбой
И был для гитлеровцев страшен,
Разил врага и день, и ночь,
Пехоте пробивал дорогу.
Он взводным был, все страхи прочь
И, не надеясь на подмогу,
Кричал: «Огонь!» – и падал враг.
Опять: «Огонь!» – и вновь – победа.
И был совсем подавлен страх...
Как будто стал ему неведом.
Отец мой был богатырём,
Каким-то страшным исполином.
Кругом стрельба, снарядов гром.

Он, как военная машина,
Стал возбудителем огня, —
Три ночи бился и три дня!
И победил, отхлынул враг.
Он удержал победы стяг!.

Привал

С большим трудом был отвоёван дом.
Под ним подвала два, как будто залы.
И ночь пришла израненным зверьком,
А ночевать – начальство приказало.
Спокойнее ночлега не найти,
Должны подвалы эти подойти.
В одном из них – бойцы отца и он,
В соседнем – чей-то автобатальон
И экипаж израненного танка.
Их посетила подлая «болванка»
И все погибли – это был не сон.
И во вторую роковую ночь
Там ночевали только смельчаки,
Что головой своей рискнуть не прочь,
И думали, наверно, чудачки:
Снаряд, мол, избежит повторной встречи,
Ведь это математику калечит.
Но прилетел он всё-таки опять,
Наверно, немец бил прямой наводкой,

В то самое окно, донельзя чётко,
И вновь пришлось ребятам умирать.
И в третью ночь фашист принёс его, —
Но не было в подвале никого.

Бункер

У Геббельского бункера уже,
А пули разжужжались до предела.
Ох, не споткнуться бы на вираже
И уцелеть – желанней нету дела.
В одном из залов, вроде – никого,
А вот, в другом,
Он вдруг услышал: «Алик!»
Отец немедля на пол,
Волшебство,
Что вовремя по имени назвали.
Над головою пули пронеслись,
Противный визг услышал, жив ей Богу.
Товарищ по войне отцу спас жизнь,
Бойцу, к несчастью, прострелили ногу.
Промчалось только нескольких секунд, —
Теперь фашист сражён отцовской пулей.
Незабываем на своём веку
Спасенья крик...
Вот смерть и обманули...

Григорий Егоркин

Этот Май

Ушедшим однополчанам и командирам

Ох, этот глупый май,
чтоб драли его черти!
Подходит он, и ты
невольно вспоминай:
кто в мае вступит в брак,
промается до смерти —
народная молва.
Что делать – месяц май.

Ах, этот гордый май!
Пройдя в строю едином
с портретами бойцов,
по полной наливай.
Чтоб не забыть Хатынь,
«катюши» под Берлином,
блокадный Ленинград.
Таков он – месяц май.

Ух, этот гулкий май!

В казачьем батальоне
делились пополам
и «прима», и сухпай.
Короткий бой, наряд,
НП на терриконе,
ночные трассера...
Всё это – месяц май.

Эх, этот горький май,
от слёз мужских кипящий!
Мы здесь пока, а те
шагнули через край.
Кто в мае с честью пал,
бессмертие обрящет —
окопная молва.
Воздай им, месяц май!

Ольга Бондаренко

И. В

Здесь я вспоминаю пехоту.
Отчизны суровой сыны,
Вы делали смело погоду
На картах последней войны.

Вы живы! Далёкое – близко
И память живая светла.
На страже стоят обелиски,
В них нету ни злобы, ни зла.

Покой, тишина среди сосен. .
Преддверием чёрных полос
Угрозы, что ветер доносит
Как новое время для слёз.

Нам стойкость ещё пригодится,
Не славя ни хищи, ни лжи,
Умрём, как твои пехотинцы,
Упав у последней межи.

Базар в дни войны

Из сердца, из памяти ложкой
Черпай! – мне не жаль ничего.
Морошка! – отдам за картошку!
Купите, купите её!

Голодный. Он ест понемножку.
Еда! Этот сказ про неё:
На углях вкуснее картошка,
В мундире сытнее всего.

А сахар и хлебные крошки
в махорке, в мякине трухи!.

Однажды сменяли серёжки
На склянку, где были духи.

Но в год урожайный роскошно
Надеждой сияет жильё.
Картошка! отдам за серёжки!
Купите, купите её!.

Александр Точнов

Война

Боец не стар был и не молод —
Два ордена, звезда одна.
Забрал родных блокадный голод,
Оружие дала война.
В огне пылало Бологое.
Бомбили немцы всё кругом.
В руинах и село родное,
Где раньше бегал босиком.
Сжал кулаки солдат до хруста.
Не соль невыплаканных слёз,
Не боль, не горестные чувства,
А месть к Рейхстагу он пронёс.

На вольном просторе

Порывистый ветер на вольном просторе
Прогнал непогоду с побережья долой.
Сюда, где встречаются суша и море,
Спешат перелётные птицы домой.

Летят в свежем бризе без запаха гнили,
Над грозным обрывом скалистой стены.
А землю зимою для птиц сохранили
Отважные люди, что здесь рождены.
Простые, совсем небогатого рода,
Но честь в благородстве осанки узри.
Им быт и повадки диктует природа:
Всяк воин снаружи, мыслитель – внутри.
Народ охраняет бескрайние дали,
Где пращуры жили среди местных богов.
Врагу ни воды, ни земли не отдали,
Как вольные птицы, живут без оков.

Борис Ольхов

Окончил МЭИ, кандидат технических наук, автор четырёх поэтических сборников. Публиковался в альманахах ЛИТО Центрального дома учёных РАН, «Муза», «Антология лирической поэзии», «Мужи и музы».

Была война...

Военное детство

Военное детство безумно далёко,
Но цепкая память надёжно хранит:
На весь переулок разбитые стёкла,
В осколочных ранах асфальт и гранит.
Сирена – тревога – в убежище, быстро!
Упал на «Вахтангова» первый фугас.
На крыше – песком по сверкающим искрам;
Огонь, разгоравшийся было, погас.
В убежище тесно. Оглядки с опаской.
Детишки – не видно ни щёчек, ни глаз:
Какой-то сюрреалистической маской
С морщинистым хоботом противогаз.
Задраены шторы на каждом из окон.
На стёклах – наклейки бумажных крестов.

Глядящее в небо прожектора око.
Зенитки на каменных арках мостов.
Так было. Был повод для страхов, сомнений,
Но знали: погонят захватчиков прочь.
И сняли с окон черноту затемнений,
И звёздною стала московская ночь.
Росла и растёт череда поколений,
Смотрящих в былое глазами кино.
Хранит человеческой памяти Гений
Весь ужас войны, отгремевшей давно.

Синеглазка. 1942 г

Бушует перрон возбуждённой толпой,
Как пеной волны океанский прибой.
Корзина, рюкзак, чемоданчик, мешок,
Кастрюля, ведёрко, бочонок, горшок,
Гитара, гармоника, аккордеон,
«Пусти! Дай дорогу!», «Пошёл ты...!», «Пардон».
Фуражка, ушанка, пилотка, платок,
Водяра, пивко, молоко, кипяток,
Сухарь, полбуханки, тушёнка, яйцо,
Мордашка, башка, образина, лицо,
Шинель, телогрейка, фуфайка, тулуп.
Кто умный не в меру, кто попросту глуп.

Вдруг в конце перрона из дверей вокзала

Появилась девушка с синими глазами,
Синими, как небо, синими, как море,
И на миг забылись горести и горе.
Девушка-блондинка в лёгком летнем платье.
Все друг другу стали, как родные братья.

И все расступились в молчанье немом.
Стояли, глазели с разинутым ртом.
А девушка шла – словно ангел летел —
В проходе шеренгами замерших тел.
И шла она, голову гордо подняв,
И сказкою стала печальная явь.
И волосы флагом вились на ветру,
Как ветви берёзы весной поутру.
Смотрели старухи сквозь стёкла очков
И слушали цокот её каблучков,
Смотрели на парус воздушного шарфа,
Что вился под звуки эоловой арфы.
Приблизилась девушка к краю перрона.
Над нею внезапно возникла корона
В бесчисленных солнечных ярких лучах,
Блеснувшая в жаждущих чуда очах.
Зажмурились люди от яркого света.
Очнулись не сразу. А девушки – нету...
Чтобы поместились все наверняка
Подали пустые два товарняка.
В чрева всех теплушек серую толпой
Втискивались люди – рукопашный бой!
«Мама! Где ты, где ты?», «Залезай скорей!».

Наконец закрылся длинный ряд дверей.
Двинулись составы. С паровозным паром
Свист на всю округу. Кто успел – по нарам,
Остальные – на пол, как мешки, навалом.
Кто – бутылку с квасом, кто – горбушку с салом.
Но с вагонной жизнью начали свыкаться,
Прекратилась ругань, кончили толкаться.
И, как по команде, разом замолчали,
Вроде бы друг друга и не замечали.
В тесноте вагонной, в грохоте и тряске
Вспомнили в теплушке все о синеглазке.
Каждый думал: «Это было не со мною,
Знамо, это было что-то неземное»...
И на миг забыли люди про войну.
Про свою пред Богом вечную вину.

Садовое кольцо. Лето 44-го

Они напали на мою страну,
Мечтали захватить мою столицу.
В расцветенном знамёнами строю
По ней пройти мечтали Гансы, Фрицы.
И вот они в Москве. Сбылась мечта
В Москве, служившей их заветной целью,
Они бредут, как стадо. И молчат.
Бойцы конвоя – вдоль колонны цепью.
Они идут, понуро опустив

Бесцветные затравленные лица.
Весёлого «Хорст Весселя» мотив
Теперь не прозвучит для Гансов, Фрицев!
Вдоль улиц – сотни, толпы москвичей.
А в первый ряд толкают ребятишек:
«Глядите на кровавых палачей!
Уже победа близко! Немцам – крышка!».
Прошаркала колонна, а за ней
По следу – поливальные машины,
Чтоб вытравить их след, как травят вшей,
Как сор метлой метут из нор мышиных.
Я помню, будто было всё вчера:
Вели фашистов пленных по Садовой.
Смотрели молча. А в душе: «Ура!
Конец пришёл затее их бредовой!».
Потом штандарты вражеских полков
Швыряли у подножья Мавзолея.
А гордый стяг страны большевиков
Витал, над Красной площадью алея.

Фильм по роману Василия Гроссмана «Жизнь и судьба»

Ещё хранящая тепло ушедших в бой землянка.
Ещё в печурке теплятся уголья и огонь.
Натянут провод. Сохнут чьи-то серые портянки.
От них исходит то ли свежесть, то ли вонь

В углу – топчан, небрежно застланный соломой.
Её прикрыла наспех плащ-палатка. А на ней
Как этой жуткой жизни искалеченной обломки —
Тела сплетённых в жаркое объятье двух людей.
Они решили в эту чуть затихшую минуту
Уйти от фронтowego злого ужаса в любовь.
Они не знали в этой узкой, смрадной, тёмной мути
Землянки, доведётся ли им повстречаться вновь.
Но не пришлось загадывать о следующей встрече.
Вспахал землянку бешено крутящийся фугас.
Они горели заживо в последний в жизни вечер.
И прежде, чем их разум окончательно угас,
Была она единственной убийственно простою
Мысль общая, пришедшая на ум обоим им:
«Как хорошо, что он не увидел меня такою»,
«Как хорошо – она меня не видела таким».
Два рога серебрящегося в чёрном небе месяца
Увидели лишь крошево костей в кровавом месиве.

Василий Тёркин

Под дождём блестит асфальт арбатский.
По Тверской кружится жёлтый лист.
Под зонтом с авоськой – ныне штатский
Бывший батальонный баянист,

Тяжкий путь прошедший до Берлина,

Три кирзы стесавший о бетон,
Медленно несёт пакет кефира,
Чёрного буханку и батон.

Помнит, как в землянке партизанской
С вьюгою февральской в унисон
С курским, вологодским и рязанским
Вёл его баян «Осенний сон».

Мог тогда парнишка деревенский
Вывести легко мотив любой:
Про Амур, про лес волшебный Венский.
Про Дунай широкий голубой.

Помнит он поток солдатской лавы,
Текшей посреди кирпичных груд.
Помнит, две звезды солдатской Славы
Приколол комбат ему на грудь.

Может, и на третью есть бумаги,
Их хранит какой военкомат.
Только он лежал в универмаге,
Занятом в то время под санбат.

А потом – колхоз, завод и стройки,
И не знал, что есть больничный лист.
Медленно идёт Василий Тёркин —
Бывший батальонный баянист.

Дождь, и не видать небесной сини.
Мир уходит в двадцать первый век.
Вася Тёркин – совесть всей России,
Труженик, солдат и человек.

Весна 41-го – лето 45-го

Весна сорок первого года.
Мой дед восемнадцати лет
Девчонке веснушчатой строгой
Протягивал скромный букет.
А та, позабыв все сомненья,
Волненье не в силах унять:
«Он делает мне предложенье!»
А как же иначе понять

Слова желанные, слова несмелые,
Слова заветные, слова прекрасные!».
Смущённо кланялись ромашки белые.
Глядели пристально гвоздики красные.

А серым дождливым июнем,
Оставив прощальный букет,
Ушёл с добровольцами юный
Мой дед восемнадцати лет:
«Я скоро, чтоб ждать не устала,
Я скоро, я точно вернусь!».

А Марьюшка долго шептала
И с нею вся Матушка-Русь

Слова желанные, слова несмелые,
Слова заветные, слова прекрасные.
Склонили головы ромашки белые,
Слезой умылися гвоздики красные.

Букет, что оставил любимый,
Поставила в Красном углу:
«Мой милый! Путиами любыми,
Сквозь грозы, туманы и мглу,
Сквозь чащи, завалы, болота
Ты только, желанный, вернись!
Не заперты дверь и ворота,
Твердить буду целую жизнь

Слова желанные, слова несмелые,
Слова заветные, слова прекрасные».
Завяли-высохли ромашки белые,
И стали чёрными гвоздики красные.

Июнь сорок пятого года,
Москва. Белорусский вокзал.
«Хорошая нынче погода» —
Ей кто-то негромко сказал.
«О, Господи! Ваня! А я-то...» —
И хлынули слёзы ручьём.
А Ваня глядит виновато.

И были, кто знает, о чём

Слова желанные, слова несмелые
Слова заветные, слова прекрасные.
Цвели улыбками ромашки белые,
В слезах от радости гвоздики красные!

Старый ров

В той войной оставленном позаросшем рву
Для тебя, любимая, я цветов нарву
Разноцветных полевых: белых, жёлтых, голубых.
Для Тебя, любимая, я цветов нарву.
Здесь далёким летним днём шёл жестокий бой.
Боя не было бы – нас не было б с Тобой.
Это я теперь пою
Сыну баюшки-баю.
Боя не было бы – нас не было б с Тобой.
Я хочу, чтоб никогда наш любимый сын
Не слышал ни свиста пуль, ни разрывов мин.
Только скрипки сладкий звук
Да дождя по крыше стук.
Не слышал ни свиста пуль, ни разрывов мин.
А ещё скажу, мой друг, жажду от души
Увидать, что младший внук стал совсем большим,
Что красив он и здоров,
Что запахан старый ров.

Увидать, что младший внук стал совсем большим.
В той войной оставленном позаросшем рву
Для тебя, любимая, я стихов нарву
Про часов старинных бой,
Про детей, про нас с Тобой.
Для Тебя, любимая, я стихов нарву...

Три танго

В большой довоенной квартире —
Из окон Арбат и «Вахтангов» —
Дом, кажется, тридцать четыре,
Звучали любимые танго.
Цветы на полях крепдешина,
Пикейные белые брюки.
За окнами шаркают шины.
До плеч обнажённые руки.
В углу – патефон, и пластинка поёт,
Минутную близость дарует:
«Брызги шампанского», «Дождь идёт»,
«Твоя песня чарует».

В пропитанном кровью санбате
Ползком из горящего танка —
Плечистый красавец с Арбата,
Любивший и помнивший танго.
Почти что девчонка, сестрица —

Волшебные добрые руки —
Танкиста – две шпалы в петлицах —
У смерти взяла на поруки.
Минутная близость, а время не ждёт
И жизни для смерти ворует.
«Брызги шампанского», «Дождь идёт»,
«Твоя песня чарует».

Дождливый июнь в Загорянке.
Читаю про Радду и Данко.
Здесь дети крутивших баранку,
Пилотов, водителей танков.
Нарядные платья из ситца,
Сандали, штаны из сатина.
И те, кто успели родиться
У тех, кто шагал до Берлина,
Танцуют. И та же пластинка поёт,
А кто-то в саду озорует.
«Брызги шампанского», «Дождь идёт»,
«Твоя песня чарует»...

Сосна Кавторанга

Прощальный луч весеннего заката
Запутался в проснувшейся листве.
Кто помнит ту землянку в три наката
На хуторе заброшенном в Литве?

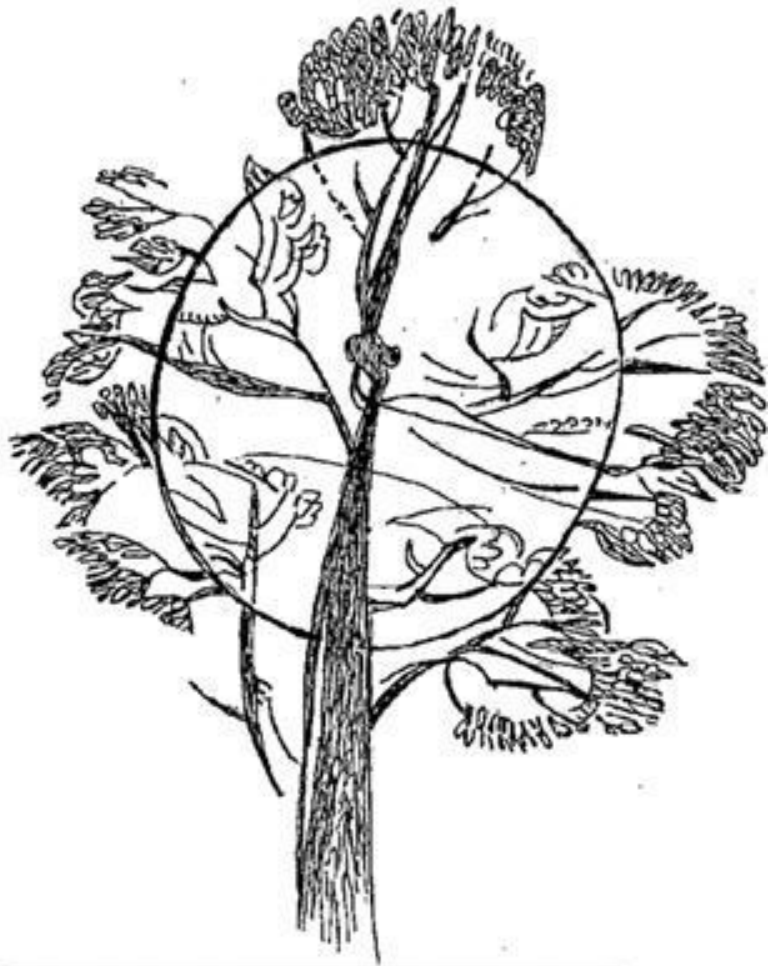
Нахлынули волной воспоминанья,
И их не заглушил морской прибой.
Нахлынули волной воспоминанья
О том, как мы ушли в последний бой.
Ушли, чтоб никогда не возвратиться,
Чтоб жизнь сюда пришла за нами вслед,
Чтоб наши имена и наши лица
Забылись через пять десятков лет;
Чтоб правнук ленинградца-кавторанга,
Сражённого осколками в висок,
Увидеть смог красавицу-Палангу,
Где солнце, море, сосны и песок
В июльскую полуденную пору
Струят неповторимый аромат.
А прадед гнал взашей фашистов свору,
Пока его товарищ-автомат
До самого последнего патрона
Не расстрелял в бою последний диск.
Сосны, снарядом срезанная, крона
Издав истошный крик, а может, визг,
Накрыла кавторанга жгучей хвоей,
Навечно запечатала в песок.
Другой снаряд летел, по-волчьи воя.
А правнука звенящий голосок
Под мерный мирный рокот волн прибоя
Летел над полосой песчаных дюн:
– А что всего важнее для ковбоя?
А кто такая птица Гамаюн?

Наталья Окенциц

Комната боевой славы

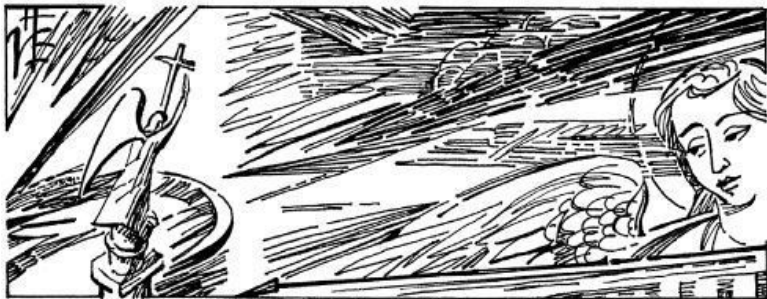
Двери открыл навстречу
Отзвук далёких лет.
В комнате славы вечной
Яркий зажётся свет.
Как же могло случиться?
Столько померкло глаз!..
Наших героев лица
Молча глядят на нас.
Куников и Ходенко,
Лётчики и врачи...
Вот Мурадян, Шульженко...
Сердце сильней стучит.
Подвиг Новороссийска,
Помощь Геленджика, —
Будут с тобой, Россия,
В памяти. На века...
Мирно под небом синим
Жизни текут года.
Скажем тебе: «Спасибо,
Славной страны, солдат!»

Батарея Зубкова

Наша память всей жизни основа.
Уж давно завершились бои...
Неспроста батарея Зубкова
До сих пор на Пенае стоит.
Здесь растёт можжевельник на склоне,
В ареале святой тишины.
Я к земле приложила ладони
И услышала голос войны.
Это залпы тяжёлых орудий,
И огня разрушительный шквал.
Погибали за Родину люди.
Кто-то близких в бою вспоминал...
Был заслон для десанта морского.
Был судам обеспечен конвой.
Только не было места живого
На земле, утомлённой войной.
Знаю, – веру в победу не предал
Командир батареи – Зубков.
Смерть нещадно ходила по следу,
А победа ждала моряков.
... Солнце мирно, по-щедрому греет
Краснодарский живительный край.
Показалось, – не спит батарея
На взволнованном мысе Пенай.

Теперь на том месте (между г. Геленджиком и г. Новороссийском), на той же позиции стоит та же батарея.
Мемориальный комплекс. Батарея-музей...

Ирэна Сергеева

Стараясь забыть печали *Эссе (фрагмент)*

Память избирательна. Моя память хранит счастливые мгновенья, стараясь забыть печали, невзгоды, горе уродство и нищету нашего бытования. И всё же есть что-то горестное, что вспоминается... День похорон отца в Крыму стоит перед глазами. Год 1962. Никто не отпевал, конечно. Церкви в курортном городе Саки тогда не было. Друзья брата Игоря, армяне, организовали всё согласно своим обычаям. Спасибо им, что помогли.

По пыльной дороге иду за грузовиком с откинутыми бортами. Папа в открытом гробу. Дорога бесконечна. Мне не видно лицо, только голова. Ветерок играет каштановыми папиными волосами. Они слегка седоваты и достаточно густые.

Если бы не блокада, он, наверное, прожил бы ещё дольше, а так – шестьдесят пять, для блокадника – удивительно... Выжив, выехал по льду Ладожского озера после прорыва блокады и добрался к нам, эвакуированным, на Урал, еле живой. Мама не узнала в этом старике с палкой, похожем на смерть, мужа, которому было сорок шесть лет...

Любовь к нам – к жене и дочери – помогла ему выжить.

Он слегка восстановил здоровье благодаря маминым вышивкам, которые она обменивала на молоко, сметану у местных жителей.

Съездив в Челябинск, папа нашел себе должность. До конца войны юрист по профессии Андрей Данилович Сергеев работал плановиком на эвакуированном из Москвы авиационном заводе № 132 в городе Симе. Нельзя сказать, что семья голодала, но выживала, выменяв все оставшиеся вещи на продукты. Одежда болталась на исхудавших телах мамы и папы. До смерти отец оставался очень худым...

Ветерок нежно перебирает папины волосы... Ничего вокруг я не замечаю... Потому ничего больше об этом чёрном дне августа не помню. Теперь, с годами, всё чаще вспоминаю отца, а накануне юбилея Победы – тем более. Есть среди моих реликвий кусочек серой обёрточной бумаги в половину ладони – календарь на 1943 год – на обороте его – стихотворение Константина Симонова «Жди меня». После папиной смерти я нашла календарь вложенным в его записную книжку. Он хранил листочек двадцать лет, словно святыню. Думаю, многим бойцам на фронте и блокадникам помогли выжить эти стихи.

Анатолий Антонов

Солдат

Во время блокады Ленинграда осенью 1942 года я служил в штабе артполка Стрелковой дивизии. Однажды утром, после просмотра почты, первый помощник начальника штаба полка (ПМШ) – капитан Лось – приказал мне немедленно вызвать к нему рядового Иванова Николая Петровича, служившего в одной из батарей полка.

Я позвонил на батарею, вскоре в штаб полка, размещавшийся в комнате первого этажа полуразрушенного здания Академии гражданского воздушного флота, вошёл пожилой солдат с лицом, заросшим щетиной. По дороге с батареи он попал под дождь.

Намокшие поля пилотки были отогнуты, с шинели на пол капала вода.

На ногах у солдата были старые кирзовые сапоги, облепленные грязью. Подошва одного из них была аккуратно подвязана к носку сапога телефонным кабелем. Выражение лица у солдата было встревоженное. Умные глаза настороженно поблескивали. Видно было: солдат, что называется, бывалый. Я ввёл его в кабинет первого ПМШ. В кабинете кроме капитана Лося находился... заместитель командира полка по

политической части Федоров.

– Рядовой Иванов по вашему приказанию прибыл, – по форме доложил солдат, приложив руку к пилотке.

– Слушай, Иванов, – начал капитан, – расскажи-ка нам, как ты попал в наш артполк?

– То есть это как понимать товарищ капитан – как попал? Обыкновенно. Был направлен к вам с маршевой ротой из батальона выздоравливающих после поправки от ранения.

– Нет, ты не понял, Иванов, – скажи, почему тебя направили в артиллерию? Ты разве раньше в артиллерии служил?

– Да, служил – в Первую мировую войну, а в эту – в пехоте.

– Но почему тебя направили именно к нам?

– Мое дело солдатское: куда направили – туда и пошёл. А почему направили к вам – это надо бы спросить у тех, кто направлял. А что, разве я плохо служу в артиллерии? Спросите командира орудия товарища старшего сержанта Цыпкина. Он, думаю, подтвердит вам, что никаких замечаний он мне не делал и что свои обязанности в огневом расчете я выполняю как положено. Разрешите вопрос, товарищ капитан?

– Спрашивай, Иванов.

– Товарищ капитан, а вы затем меня, значит, вызвали, чтобы назад в пехоту направить?

– Да нет, Иванов, не в этом дело, – ответил капитан Лось. – Никто тебя назад в пехоту направлять не собирается...

– Простите, товарищ капитан, тогда зачем же вызывали?

– А вот зачем, товарищ Иванов, – вмешался в разговор

замполит Фёдоров. – Расскажи-ка нам лучше про свою службу в пехоте. С кем служил, кто командовал дивизией? В каких боях участвовал? Как тебя ранило?

– Фамилию комдива я не знаю, помню хорошо только взводного и политрука. Ещё знаю номер своей полевой почты. Да он есть на письме моей старухи, я его в кармане таскаю. Достать его?

– Конечно, достань, Иванов.

Солдат расстегнул шинель и вытащил из кармана гимнастерки потёртый конверт.

– Товарищ капитан, пойди и проверь, наша это военная часть?

Капитан с письмом вышел...

– Да, Иванов, расскажи-ка ты мне все-таки поподробнее про тот последний бой, в котором тебя ранило.

– Да что тут рассказывать, товарищ заместитель командира полка. Было это в ноябре прошлого года под городом В. Немецкие танки лезли на нас почти со всех сторон, а за ними бежали ихние солдаты, которых было гораздо больше, чем нас. Наш политрук сказал, чтоб не отступать ни при каком случае. Мы и сами понимали, что отступать нельзя...

– Ну а дальше как дело шло? – спросил замполит.

– Ну, после приказа солдатское дело известное, занял позицию – задача ясная: подпускай немцев, жги их танки и стой себе, покуда не убьёт али не ранит тяжело либо покуда немцы не уйдут. Многих поубивало. Ну вот, в разгар боя прилетела

граната и ранило меня так, что я потерял сознание, проснулся – уже на койке в медсанбате. А как тот бой закончился, я до сих пор не знаю. Однако помню, что никто позиций не сдал – не такие ребята были.

Вот и всё. Больше рассказывать нечего.

– А как фамилия политрука? – спросил Федоров.

– Конечно, помню – К-н.

– Товарищ командира заместитель полка, – доложил капитан Лось, – я проверил: та самая часть, сомнений нет.

– Ну а мы тут поговорили по душам с товарищем Ивановым. Да ты садись, Николай Петрович, садись – не стесняйся, – обратился замполит к солдату. – Устал, небось, в твои то годы всё время стоя разговаривать?!

– Хотя я и не очень-то устал, но сяду с удовольствием, – ответил Иванов.

Печать тревоги исчезла с его лица, и он начал понимать, что его вызвали не затем, чтобы наказать... Ну а зачем всё-таки?

– Товарищ Иванов, расскажи, а жене-то своей ты давно не писал?

– Как давно? Две недели назад. Как на новом месте осмотрелся – так и написал.

– погоди, – сказал капитан, – а из госпиталя и батальона выздоравливающих ты разве домой не писал?

– Да что тут было писать, когда неизвестно сколько в этом месте пробудешь? – ответил солдат. – Вот когда по-настоя-

щему определился, тогда и написал.

– Вот чудак человек! Ведь жена-то твоя тебя мёртвым считала. Ей похоронку прислали на тебя. А недавно она вдруг от тебя письмо получила да и снесла его в военкомат.

– Значит, вот в чём дело, – воскликнул солдат. – Понимаю. Я ей напишу, что в этой ошибке никто не виноват. Ведь в той кутерьме легко было ошибиться: кто убит, а кто валяется без сознания. Санитары же, когда раненых собирают, документов не спрашивают. Пусть старуха больше не шумит – на войне бывают всякие случаи.

Разрешите идти?

– Нет, постой ещё, – ответил капитан. – Прочти-ка эту бумагу.

Солдат с осторожностью взял протянутый лист и прочел: «В вашем полку служит рядовой Иванов Николай Петрович, которому за геройское поведение в бою в числе ряда других бойцов присвоено звание Героя Советского Союза. Предписываем вам обмундировать Героя Советского Союза товарища Иванова Николая Петровича в командирское обмундирование и в течение суток направить его в Москву для вручения награды...» Солдат остолбенел.

– А тут нет ли какой промашки? Это, выходит, что я – герой? Как это так? Я ничего такого особенного не делал. Я только выполнял приказ, как положено тому, кто присягу дал. Приказ был не отступать – стоять на смерть. Ну и стояли все. Как все, так и я. Я так понимаю, что я, конечно, честно

нёс свою солдатскую службу – а как же иначе-то, а ничего особенного героического в этом не было...

– Верно говоришь, солдат, – в том и состоит истинное героичество, что человек совершает подвиг по велению сердца, вовсе не думая, что он совершает что-то героическое!

– Ну, теперь, Иванов, иди в батарею да и собирайся в дорогу. Старшине отдадим приказ – он тебя обмундирует. Да побрейся получше и постригись, чтобы иметь подобающий воинский вид, – сказал капитан Лось.

– Да, вот тебе брошюрочка, – сказал замполит. – В ней подробно написано о твоём и твоих товарищей подвиге. Почитай её.

А то герой, а рассказать обо всем, как следует, не можешь.

– Нет, товарищ замполит, – возразил капитан Лось. – Он всё правильно понимает и рассказал верно: он честно и до конца выполнял свой солдатский долг. В этом и есть героичество.

На следующий день рядовой Иванов явился в штаб уже совсем в другом виде. Он был побрит. Новенькая командирская шинель и фуражка ладно сидели на нем. Капитан Лось вышел к нему, дружески похлопал его по плечу и сказал:

– Ну, вот теперь, Иванов, у тебя настоящий воинский вид. Наш старшина – молодец, хорошо выполнил приказ... Ты доволен, товарищ Иванов?

– Нет, товарищ капитан, не совсем доволен.

– Это почему же? – удивился капитан.

– Скажите, товарищ капитан, какие у вас, к примеру, сапоги? Хромовые? Как положено командиру?

– Ну, да, – ответил капитан Лось, – хромовые.

– А мне старшина выдал кирзовые, нешто в таких сапогах командиры по Москве ходят?!

– Понял, товарищ Иванов. Действительно старшина оплошал. Будут у тебя хромовые сапоги – ты их действительно заслужил.

Я сейчас прикажу старшине, чтобы он бежал сюда с хромовыми сапогами! А ты, Иванов, посиди пока: здесь, видишь, собрались бойцы и командиры – тебя поздравлять. Хотят послушать, в каких боях ты участвовал и как заслужил звание героя.

– Ну, это мы теперь можем, товарищ капитан, – ответил Иванов.

Когда через час капитан Лось со старшиной принесли для Иванова хромовые сапоги, то увидели, что он сидит на стуле, окружённый бойцами и командирами, смотрящими ему в рот, и по-своему, очень толково, красочно и доходчиво, излагает им содержание брошюры, вручённой ему накануне.

На другой день Иванова отправили в Москву. В наш артполк он уже не вернулся. Ему присвоили звание старшины и направили в школу младших командиров. Доходили слухи, что у него оказались прекрасные педагогические способности и он стал отличным воспитателем молодых бойцов.

Основой рассказа является подлинное происшествие,

разыгравшееся на глазах автора. Имена и фамилии действующих лиц умышленно изменены. Подлинное имя героя рассказа вписано золотыми буквами в историю Великой Отечественной войны.

Проза

Галина Гашунина

Душа моя, Елизавета

Она давно уже не живёт в нашем посёлке, но воспоминания о ней помогают пережить мне и одинокую осень, и холодную зиму. «Мой Лизочек так уж мал, так уж мал...» Частенько перед началом репетиции одним пальцем я наигрывал эту мелодию на пианино. Я ждал, когда появится она – Елизавета, душа моя. Елизавета приходила заранее. Ей нужно было время сосредоточиться на роли, и эти минуты, проведённые наедине с ней, наполнялись для меня счастьем и особым смыслом. Тоненькая, как камышинка, молодая женщина несла в себе ту радость жизни, которой многим из нас в трудные послевоенные годы не хватало. С ней в наш Дом культуры приходил тот настрой, без которого тщетно любое дело. Настрой победы, я бы сказал. И, действительно, у нас всё ладилось. Мы ставили пьесы талантливых драматургов – Володина, Розова – о современниках, похожих и непохожих на нас, но то, о чём говорилось в этих пьесах, было очень знакомо, эхом откликалось в наших сердцах, покоря-

ло своей правдивостью. Елизавета пленяла односельчан, наполнявших зрительный зал до предела, манерой своей игры. Она так вживалась в образ, что было непонятно, где проходит грань между героиней пьесы и исполнительницей роли. А ответ был очевиден. Показывая на сцене персонажей, с которых хочется брать пример, ей не нужно было особенно притворяться.

Я любовался ею, но любовался издали, прекрасно понимая, что она ждала и будет ждать своего мужа, пропавшего без вести. Мне бы и в голову не пришло волочиться за ней. Она была для меня недосягаема. Я считал счастьем уже то, что она посещала драматический кружок, которым я руководил, что свой талант общения она проявляла и в отношении меня, что иногда её улыбка адресовалась и мне.

Елизавета работала в сельском почтовом отделении, включавшем в себя и телеграф, и каждый день, соприкасаясь с сельчанами, большей частью малограмотными, надписывала за них посылки, конверты, отправляла от их имени срочные телеграммы, отстукивая специальным ключом точки и тире на заграничном телеграфном аппарате, которым почта очень гордилась. Я знал, что она одна из немногих изучила азбуку Морзе и легко владела ей, не делая ошибок при передаче сигналов. Я регулярно отправлял в районный центр почтовым переводом отчёты о деятельности нашего кружка. И таким образом имел возможность внеочередной раз увидеть дорогого для меня человека. Я садился за обшарпан-

ный стол, брал лист бумаги, обмакивал ручку в чернильницу и, делая вид, что поглощён составлением текста, украдкой наблюдал за Елизаветой. Здесь, в этом глубоко чтимом месте, позволяющем поддерживать связь с далеко живущими родными людьми, народу всегда было много. Как только не обращались посетители к царившей здесь фее: и почтительно – «Елизавета Федоровна» и ласково – «Лизонька» и просто – «Лизавета». Она старалась помочь каждому и, улучив минутку, кому-то прочитывала полученное письмо, кому-то сочиняла важное прошение. И для любого у неё была припасена улыбка или доброе слово, а то и житейская подсказка, куда обратиться со своими проблемами. Я видел, что ей доверяли много личного.

В те дни, когда мне приходилось решать организационные вопросы, курсируя между Домом культуры и администрацией посёлка, я часто видел, как Елизавета, стоя рядом с гружённой почтовой корреспонденцией повозкой, о чём-то тихо беседует с извозчиком и одновременно, ласково поглаживая дряхлую лошадёнку, угощает её припасённым лакомством в виде морковки или кусочка сахара. При этом внимательные глаза Елизаветы замечали всё вокруг: и то, что лошадь сильно исхудала на скудных харчах, и то, что уже еле тащит она телегу с посылками до станции. А Акимыч, кучер, сильно сдал за последний год, и пора уже отправлять его на заслуженный отдых.

Мне нравилось смотреть наши спектакли из зала, как

смотрят обычные зрители. Особенно я волновался, когда на сцену выходила Елизавета. Я обратил внимание, что при её появлении сельские жители начинают открыто улыбаться и громко хлопать в ладоши, выражая этим своё отношение к ней. А однажды одновременно с аплодисментами по залу прокатилась волна шума – зрители начали перешёптываться: «Смирновым-то Елизавета Фёдоровна положенную ей большую комнату отдала. Сколько, – говорит, – людям можно мучиться в бараке? Пусть поживут по-человечески». «А Авдотье-то, у которой восемь ртов, – подхватывали другие, – младшеньких помогла в детский дом пристроить на казённое житьё-бытьё». Я слушал и понимал, насколько Елизавета богата душой и сердцем. И тем дороже она становилась мне. Как же я был счастлив от того, что скоро закончится спектакль, и я буду иметь возможность подержать нежную руку Елизаветы в своих руках, вынося благодарность артистке за выразительную игру.

Казалось бы, вся жизнь Елизаветы была на виду, как и жизнь любого сельчанина, но в посёлке никто не знал, как, впрочем, и я, об одном её нерядовом поступке. Она потеснилась и приютила у себя чужую женщину, выгнанную из дома. Елизавета увидела её, прячущуюся под лестницей своего дома. Увидела и ужаснулась: женщина была беременна. «Что с тобой, милая? – спросила она её. – Иди-ка сюда, на свет». Женщина вышла, жалкая, плачущая, пугливо прикрывающая свой выпирающий живот складками широкой юбки.

Елизавета участливо посмотрела в её тоскливые глаза. «А что ты здесь делаешь?» Марфа (так звали бедняжку) рассказала о том, что свекровь, ни от кого не скрывая свою нелюбовь к ней, давно хотела известить её, а узнав, что она ждёт ребёнка, молча показала на дверь.

Жену родного сына своего выгнала на улицу. Его-то нынешней осенью в армию забрали, и заступиться за неё стало некому. «Пойдём ко мне», – только и произнесла Елизавета. Историю эту я узнал от самой Марфы, когда Елизавете по ряду причин пришлось уехать из посёлка. Не скрою, тяжело мне было расставаться с ней, я почему-то был твёрдо уверен, что подобную женщину вряд ли когда-либо ещё встречу. С её отъездом всё стало будничней, прозаичней. Но когда я смотрю в ночное небо, кажется мне, что зажгла Елизавета над нашим посёлком новую звезду, лучи которой наполняют жизнь мою светом и немеркнувшей надеждой.

Книга в альманахе

Евгения Славороссова

Московские сны

* * *

Недаром ощущает вдруг
Круженье головы
Тот, кто вступил в заветный круг
Магической Москвы.

Прижав к глазам Кузнецкий мост —
Цветной калейдоскоп,
Он видит пляску лиц и звёзд
В коловращенье толп.

О, одиночества кольцо
В кипении столиц!
Как отыскать одно лицо
В калейдоскопе лиц?

В московских беспокойных снах
Клубится странный мир,
Что спрятан в четырёх стенах
Запущенных квартир,

Где мученик житейских драм
Жжёт до рассвета свет,
Он хмур, как дворник по утрам,
Пьян ночью, как поэт.

Москва, соперница подруг,
Ревнивей верных жён.
Тот, кто в магический твой круг
С рожденья погружён,

Несёт великой страсти гнёт
Сквозь шум людской молвы,
Пока навеки не уснёт
В объятиях Москвы.

* * *

Я сердца и ног не жалела.
Забыть ли о времени том?
А в небе полоска алела,
Алела и гасла потом.

А вечер спускался чудесен,
И вот уж строки не прочесть.
И плакало сердце от песен,
И туфель сносила не счесть!

Биенье девичьей мигрени,
Гремящего города пыл,
А запах цветущей сирени

Над чадом бензиновым плыл.

Моей бесконечной прогулки
Блужданья. Который уж год!
Всё кажется в том переулке
Кого-то я встречу вот-вот.

А может прошла-проглядела,
Впотьмах не узнала лица?
Надежда моя – без предела,
Дорога моя – без конца.

* * *

Лес диковинных деревьев
И светящихся плодов,
Труб в султанах дымных перьев
На опушках городов.

В чаще каменного леса
С детства пела, как могла,
В жёстком шелесте железа
И цветении стекла.

Я растворюсь в Москве, как в пенной чаше,
Бесценной, золотой – нет в мире краше,
Наполненной сладчайшею отравой,
Хмельною – изумрудной и кровавой.

Исчезну, словно голос колокольца,
Пройду сквозь все магические кольца.
В моей Москве, гранитной и бетонной,
Я кану, словно в пропасти бездонной.

Как шарик кровавой, скользну по венам —
По переулкам необыкновенным.
Подобно числам бесконечно малым,
Сольюсь с толпой, снующей по вокзалам,

По площадям, по улицам, бульварам,
По магазинам, паркам и базарам,
Театрам, галереям, стадионам —
Со всем народом многомиллионным.

В стране Москве, безмерной и бескрайней,
Легко я сгину, повстречавшись с тайной.
На карусели жизни быстротечной
Кружит, хранит меня мой Город вечный...

Москва моя, души моей столица,
Твоих богатств ничтожная частица —
Я золотник твой маленький. Но всё же
Со мною ты прекрасней и дороже.

Воробьёвы горы

С тобой мы ищем жизни смысл,
А рядом с нами жизни радость
Сияет в семицветье радуг,
В изгибе пёстрых коромысл.

Весь мир затянут пеленой,
Но, сделав в облаках оконце,
Порой проглядывает солнце,
Сиреню пахнет и весной.

Ты солнце размешай с дождём —
Я не пила напитка лучше.
Мы, отражаясь в синей луже,
Как будто по небу идём.

Моя рука в твоей руке,
И слышат наши разговоры
Лишь дождь да Воробьёвы горы,
Да лодка на Москве-реке.

Мы многого от жизни ждём,
Судьбу с надеждою встречаем...
А счастья и не замечаем,
Вдвоём гуляя под дождём.

Памятник Ломоносову

Среди студенческой оравы,
Где каждый в споре смел и зол,
Сидит задумчивый и правый,
С трудом затиснутый в камзол.

Толпа гудит в чаду и дыме,
Царит студенческий невроз.
Он возвышается над ними,

Как будто в землю эту врос.

Верней не врос, а вырос, вышел
Из недр, как дерево из земли.
Он всех устойчивей и выше
И видит скрытое вдали.

... Он всё на облако косится,
Что мчит, как льдина по реке.
И весит ровно пуд косица
В его чугунном парике.

Толпа выходит из читален,
Звенит пронзительный звонок.
... А он, как мамонт, колоссален
И, как вершина, одинок.

Библиотека

А я бы хотела остаться навеки
В разреженном воздухе библиотеки,
Тома поглощая от корки до корки,
Где правит директор – божественный Хорхе²,
Где мы затевали бы странные игры,

² Хорхе Луис Борхес, знаменитый аргентинский писатель, был директором Национальной библиотеки в Буэнос-Айресе.

Где бродят меж полок бумажные тигры,
Рождённые миру из недр ротапронта,
Где царствует вечность внутри лабиринта,
Где кожей пахнет старинной и клеём,
Где к книге нечитанной мы вождедем,
Где пылью веков с наслаждением дышим
И сами слова бесконечные пишем.
Худое и бледное книжное племя
Оставит в тетрадах чернильное семя,
А там разрастутся кустарники строчек,
Листками распустится бред одиночек,
И сгинут в таинственных дебрях бумаги
Творений своих чёрно-белые маги.

* * *

Нить проводов тянули Парки,
И, словно споря с темнотой,
Возник цветок электросварки
Блестящей розой золотой.

А стаи звёзд, как шпроты в масле,
Свои убрали плавники.
И только падали гасли
На чёрном небе лепестки.

Они дрожали и пугали,
Кружась сверкающей пургой,
И в небе дырки прожигали,
Как в тёмной ткани дорогой.

И мне хотелось бы сверканьем
Глаза ожечь, когда темно.
И пусть коротким замыканьем
Мне жизнь закончить суждено,

Но всё равно над тусклой прозой,
Над всякой пошлой суетой
Сгореть блистающею розой,
Дрожащей розой золотой.

Шкатулка Москвы

К.С.

Шкатулка Москвы – сколько камушков разных
Хранится под крышкой резной!
О, сколько прогулок, прекрасных и праздных,
И в дождик, и в холод, и в зной!

Шкатулка Москвы – этот грохот скаженный,
Чугунного грома литьё.
Но вот на ладони Василий Блаженный

Сияет – блаженство моё!

О, сколько колёсиков, шариков, втулок —
Бесценных сокровищ ребят.

Ах, твой полирован любой переулок
Моими ногами, Арбат!

Назначим свиданье с грядущим туманным,
Где нас осеняет Поэт.

Мне памятник Пушкина стал талисманом,
Его драгоценнее нет.

Сверкая Садовым кольцом изумрудным,
Надетом на пальце моём,
С тобою бульваром пройдем Чистопрудным
Мы, за руки взявшись, вдвоём.

В шкатулке старинных диковин останки,
Осколки, обломки потерь...
Рассыпаны где-то Солянки, Полянки,
Ордынки – найди их теперь!

В ней место огней разноцветным стекляшкам
И луковкам всем золотым.
Пройдемся с тобою мы Сивцевым Вражком,
Как будто музей посетим.

Шкатулкой Москвы, знаю, будешь доволен
И к новым восторгам готов.

Поди сосчитай, сколько в ней колоколен,
И вычисли, сколько мостов!

Шкатулку Москвы для тебя распахну я,
Тебе насовсем отдаю
Такую цветную, такую земную,
Родную столицу мою!

Романс о первом снеге

Ранний снег – до чего целомудренный! —
Куполов осеняет чело.
Это утро, как праздничный утренник,
Так старательно, чисто, светло.

Снег карнизы и крыши покрыл уже,
Чтобы мы любоваться могли.
Бел, как перья из ангельских крылышек, —
Даже страшно коснуться земли!

Мир фильтрует (как будто Чистилищем),
В нас безжалостно всё перерыв,
И порхает балетным училищем,
Расшалившимся вдруг в перерыв.

Молит нас, чтоб его не запачкали!
И в кружение стремительных па

Чуть колышет воздушными пачками
Мимолётных снежинок толпа.

Станет вечер блистательным Воландом
Нас пугать и стирать в порошок...
Но покуда ментоловым холодом
Студит губы бесплотный снежок.

Что за чудо! Чуть-чуть подморозило.
Поцелуи касаются век.
И блестит Лебединое озеро.
Первый раз. Первый шаг. Первый снег.

Ледяное окно

О, мир, как на слайдах, цветной, слюдяной,
Глядит из окна сквозь наплыв ледяной.
О, зимняя сказка воздушной души!

В замёрзшем окошке глазок продыши,
Глазок продыши
И уйти не спеши.

В глазах он дрожит стрекозиным крылом,
И ломит хрусталик стеклянный излом,
И, радужной плёнкой сверкая в глазах,
Вдруг мир расплывается в тёплых слезах.

Слезы не утри
И в глаза посмотри.

Волшебный фонарь или чудный мираж,
В окошке моём разноцветный витраж.
По плоскости гладкой укатанных зим
С тобой без оглядки куда-то скользим.
На санках с горы
В ледяные миры.

Подышишь, и тает стекло изо льда...
Изольда – любви ледяная звезда
В причудливых линиях видится мне,
И плачут цветы ледяные в окне.
Две капли в окне,
Две искры в огне,
Два вдоха во сне
О тебе, обо мне.

Анемоны

Апельсины и лимоны
Все спешат купить к столу.
Продаются анемоны
За аптекой на углу.

Вместо мяса, вместо сыра

Подержите их в руках.
До чего свежо и сыро
В этих нежных лепестках!

Но бежит народ московский,
Нескончаемый поток.
А цветочница в киоске —
Зимний зябнувший цветок.

Та же хрупкость и недужность,
Та же бледность с синевою
И такая же ненужность
Для людей на мостовой.

И идёт торговля вяло...
Неужель судьба ждала,
Чтоб вот так она увяла,
Словно в клетке из стекла?

Все спешат к универмагу...
Кто сумел бы по пути
Завернуть её в бумагу
И с собою унести?

Прогулка с собакой

Кустарник инеем порос,
Дымится голубой мороз,
Идём мы рядом в поздний час —
Твой пёс гулять выводит нас.
О, поцелуя холодок!
Ты отпускаешь поводок.
Я брошу палку, чтобы пёс
Зачем-то нам её принёс.
Слились дыханья на ветру...
Пёс хочет продолжать игру
И ждёт нас царственно красив,
Как изваяние, застыв
На фоне ночи ледяной,
Облитый ртутною луной.
Дырявит снег алмазный ток,
Когда струю пускает дог.
И бесподобный карий глаз

Косит презрительно на нас.

В кафе

В дешёвом уюте, в московском кафе,
Где странные люди сидят подшофе,
Где официантам не выскажут «фе»,
Но всё же ни дня без скандала,

Шофёры в шарфах всевозможных цветов,
Красавцы южане усатей котов
И с ними девицы известных сортов
Сидят, развалившись устало.

Где воздух тоскою и кухней пропах,
И где подливают в отчаянье страх
Старухи с помадой на дряхлых губах,
На гуще кофейной колдуя,

Где смутные мысли, бессвязная речь,
Где юные пары с кудрями до плеч,
Где ждут роковых и рискованных встреч,
Волнующих кровь молодую.

О, где я – на дне иль в горячечном сне?
Но истина тонет в креплённом вине.
И что ещё может привидеться мне

На этой сверкающей свалке?

Здесь улей пчелиный иль птичий базар,
Где празднуют что-то корсар и гусар,
Где старый полковник в отставке – швейцар
Сурово стоит в раздевалке.

А я за тобою в огонь и беду
Всему вопреки обречённо иду.
Ты мой проводник, как Вергилий в аду,
Устало присевший за столик.

Здесь чувства застыли на крайней черте,
Здесь теплится жизнь в мировой пустоте,
И здесь забывает о мёртвом холсте
Художник один – алкоголик.

Понять бы зачем мы приходим сюда?
А в небе звезда, в океане вода,
И мы затерялись с тобой навсегда
В бездонной Вселенной огромной...

С подносами бледные тени снуют,
А им чаевые небрежно суют.
Кафе городское, казённый уют,
Приют вечной страсти бездомной.

Иллюзион

Я помню, как давным-давно
Мы шли с тобою из кино
И затевали бурный спор
(Не поумнели мы с тех пор),
Хоть было жаль смеяться нам
Сквозь слёзы старых мелодрам.
А нам вослед глядел сквозь сон
Кинотеатр «Иллюзион».
И замедляло время бег,
И под ногами таял снег,
И трогал нас озябший вид
Заплаканных кариатид.
Два бедных пасынка зимы,
Зачем так горячились мы,
Зачем, дурачась и остря,
Мы столько слов бросали зря?
Зачем, не склонные к слезам,
Не дали говорить глазам
Неповторимую зимой,
Как в мелодраме той немой?

Мой милый, без вести пропавший
В декабрьском сне (О главном помните!),
В Москве, морозами пропахшей,
В душе моей – бездонном омуте.

Мой друг, кудрявый и картавящий,
Не притворялась – притворяла
Глаза. Какого я товарища
Нашла! А твёрдость потеряла.

Мой нежный, мой пропавший без вести
(О, не сдержат сердца испуг свой!),
Был Пушкинский музей убежищем
Двух душ – погреться у искусства.

Всё поровну – с тобою квиты мы.
Не притворялась – претворяла
В стихи. Со свитками, со свитами,
Со свистом билась и шныряла

Метель. За ледяными иглами
Ко мне ты тянешь кроткий рот свой.
Заигрывалась – не заигрывала.
Декабрь, безвременье, банкротство.

Москва загадочна, заснежена,
Слезам не верит, пустословью.
О, как измучена, изнежена
Я лучшею твоей любовью.

Мой вечный юноша, мой умница,
Утешить незачем и нечем.
О, лёд и месяц, ночь и улица,
Метель и темень, чёт и нечет!

Как по подстилке белой войлочной,
Вчера и завтра, и сегодня
Идём Москвою вечно-ёлочной
В огнях, Москвой предновогодней.

Метель, мелькание, метание...
Но разве скажешь: «Что такого?»,
Когда в душе сплошное таянье.
Прощай, период ледниковый!

Фантазия зимней ночи

Какая погода – не видно ни зги!
И всё ж эта ночь хороша.
Но в вихре вальпургиевой пурги
Не сгинет ли часом душа?

Как жалко погибнуть в кружении злом
От силы безжалостных лап,
Что скрутят мне руки морозным узлом,
Из ветра состряпают кляп.

Не проще ли лечь в ледяную постель?
(О, милый, приди и согрей!)
Я вижу, как в бешеной злобе метель
Обмотана вокруг фонарей.

Врасплох меня страх этой ночью застиг.
«Прости!» – прорыдаю сквозь тьму.
Пытает мороз миллионами игл
(Тебя я не выдам ему).

Нестройный оркестр – то гудят провода,
То жалобно воют в дуду.
Автобус сюда не придёт никогда,
Напрасно надеюсь и жду.

Помпезнее оперы эта пурга,
Фальшивя, срывается вой.
О, сгинет душа или вмёрзнет в снега,
Иль вырвется, чудом, живой?

Кромешная тьма, помраченье ума
(Мой милый, я сплю или нет?),
Дорога была, и темнели дома,

Сиял электрический свет.

Не поле, не шабаш над Лысой горой —
Но ветер в моей голове.

Иначе бы, как я декабрьской порой
Могла потеряться в Москве?

Ночь

Ночь крадётся вдоль Арбата,
Скинув башмаки.
Снег блестит голубовато,
Как мои белки.

Темноглаза, смуглокожа,
Хохот бубенцом,
Удивительно похожа
На меня лицом.

Снег полночный или голубь
Вьётся у стекла?
Юной девушкой голой
Ночь к тебе пришла.

Слышишь, волю дав смятенью,
Как слова растут?
Каждым шорохом и тенью

Повторю: «Я тут».

Вновь январь уступит скромно

Место февралю.

Вырастает ночь, огромна,

Как моё: «Люблю».

Ночь всегда играет с нами,

Сколько не лукавь.

Я шепчусь с твоими снами,

Я врываюсь в явь.

Утром всё в лучах потонет,

Всё исчезнет прочь.

Ах, мой свет-святой Антоний,

На дворе-то – ночь.

А когда лицо осветит

Солнца луч косой,

Ты увидишь на паркете

След ноги босой.

Замёрзшие слова

А вот и март идёт звеня,

Прощайте, лыжи и коньки!

Зима измучила меня...

И телефонные звонки.

И в грубой трубке тишина
(Как на премьере замер зал),
Тревога свыше внушена —
Твой голос в трубке замерзал.

И это было сотни раз...
Молчанье вяжет по рукам,
Я раздарила столько фраз
И воробьям, и облакам!

А снежный ком обиды рос,
И в горле рос рыданий ком,
И заморочил нас мороз,
И замораживал тайком.

Не зря терзали провода,
Как скрипка об одной струне.
И так нужна была вода
Душе во гневе и в огне.

И так нужна была она,
Чтоб потеплела, потекла,
Чтобы разбилась тишина
На счастье – вазой из стекла,

Чтобы умытая Москва
Ловила в лужах облик мой,

Чтобы оттаяли слова
Твои, замёрзшие зимой.

* * *

Во мне всё нежно так и слабо,
Ведь я ж не «каменная баба»,
Не тот невозмутимый идол,
Что людям тайн своих не выдал.

Порой, закрыв лицо руками,
Я разбиваюсь в кровь о камень,
И, в душу ближних не пуская,
Я камень на сердце таскаю.

Из камня – вечная столица.
Я вижу каменные лица
Великих (или знаменитых?),
Слова и мысли из гранита.

И каменею, с жизнью споря,
Порой от гордости и горя...
Но, чувство миру отдавая,
Болит душа моя живая.

О марте

А ты, как обычно, с утра озабочен.
А в городе март – он мечтатель и мот!
Рабочие трудятся возле обочин,
Дороги решили отправить в ремонт.

А ты не заметил в превратностях службы
И тягот домашних – ты дрызгах погряз,
Что нынче шедевры копировать с луж бы,
Что кто-то встревоженный город потряс,

Что ввинчивал в небо блестящую лопасть
Вверху самолёт по дороге в Каир,
И лопалась почка, и школьники глобус
Крутили – прекрасный и синий, как мир.

И не было выше желанья на свете
Горячечным лбом окунуться в окно,
С уроков сбежать, чтобы вестерна ветер
Воздушной волною тянул из кино.

Но всё это были пока полумеры...
Сахарою сахарной стыла зима
В лесу под Москвой. Но уже в полимеры
Был лёд превращён, заливая дома.

И жизнь улыбалась, смывая помарки,
Бросаясь обрывками черновиков...
Ах, как мы с тобою мечтали о марте
В ту зиму – подобие Средних веков.

А в школах упорно снижались отметки,
Писались стихи, разбивались сердца...
И ветки деревьев, как будто креветки,
Слегка шевелились в ладонях ловца.

Ещё я не ведаю, как говорить мне
Про март (в эту жизнь он явился нагим),
Но смею смеяться – и в праздничном ритме,
И в радостном гимне мир станет другим.

Старый дом

Городской романс

За резным наличником
Мутное стекло.
Любовался личиком,
Что белым-бело.

Невзначай замечено,
Сходу сгоряча.
Зажигалась вечером
Бледная свеча.

Нежное и смутное
За окном цвело.
Но окошко мутное
Тайну берегло.

Ни кивка, ни имени,
Нежного словца,
Не шептал ей: «Жди меня», —
В полночь у крыльца.

Ночью с крыши капнуло,
Утром потекло.
Всё куда-то кануло,

Ветром унесло.

Всюду строят здания,
Дом идёт на слом.
Было что когда-нибудь
Скрыто за стеклом?

Ни следа, ни имени,
Ни лица в окне.
И не скажешь: «Жди меня»
Иль: «Приди ко мне».

* * *

Воздух мартовский стеклянный,
Пряник каменный московский,
Синий день, от солнца пьяный,
Колесит, где Маяковский,

Где редакция журнала,
Где огромный зал концертный.
А душе воскресшей мало
Ощущать себя бессмертной.

И она желает страстно
Ощутить себя счастливой,

Наполняясь мукой властной
До восторга, до разрыва.

В этом вареве кипящем,
Городском водовороте
Трёт глаза царевной спящей
В ледяном прозрачном гроте.

Белый сон на явь меняет
И встаёт, глотая слёзы.
А беспутный день роняет
Золотую ветвь мимозы.

Ах, душа, кто ты такая?
Ты лишь гостя в вечном доме.
Луч колеблется, сверкая,
У эпохи на изломе.

И дрожит душа живая,
Ёжась в оболочке нежной,
Жизни двери открывая,
Неизвестной, неизбежной.

Безумный апрель

Стихотворная горячка
И компьютерная скачка,

Перевёрнут мир вверх дном,
Нервы ходят ходуном.

Ссоры, слёзы и сомненья,
И ночные объясненья.
Глушит вопль кошачьих банд
Сумасшедший музыкант.

Как весенний воздух мучит!
Каждый слёз сполна получит.
Сердце ранит птичья трель —
Так бесчинствует апрель.

Что ж нам делать в это время?
Капля ударяет в темя,
Из-под ног земля летит,
И потерян аппетит.

Так тираном в город шумный
Вторгся вдруг апрель безумный,
Жить и слаще, и больней
В круговерти ярких дней.

Пусть любовь всегда дурачит,
Но живёт лишь тот, кто плачет.
И смешал нам явь и сны
Беспокойный бег весны.

Песенка предместий

А сердце влюблено
Без всяческих причин.
Поедем в Люблино
И в Люберцы помчим.

Нельзя прожить и дня,
Не веря, не любя.
И веришь ты в меня,
И я люблю тебя.

Как мир обнять легко,
Как трудно долго ждать!
Но я недалеко,
И ты рукой подать.

И сдвинуты мосты,

И сомкнуты края.
Всегда со мною ты,
Всегда с тобою я.

Ты мой без всяких «но»,
Твоя – от лба до пят.
И любят в Люблино,
И в Люберцах не спят.

Гроза над городом

О, грома громада и струи, как струны,
В оранжевых перьях пируют Перуны.
И в роще кошмары, и в море буруны —
То в древние игры играют Перуны.
Пронзят, пригвоздят ослепительным взором —
И мир наш привычный разрушен и взорван,
Расплавлен, раздавлен стихией природной —
Вокруг нынче хаос царит первородный.
Как вырваться нам из такой заварухи?
Не место гармонии в царстве разрухи.
Но смеха раскаты, но грома повторы!
Потуплены очи, опущены шторы,
И мы не разделим свирепой уморы.
О, гибель Содома! О, гибель Гоморры!
И окна закрыты, и заткнуты уши...
Но грома раскаты всё дальше, всё глуше.

Всё снова, как раньше, всё снова, как прежде.
И только прохожие в мокрой одежде
Напомнят о том, как прекрасны и юны
Над нами сегодня промчались Перуны.

* * *

Как всё изменяется в мире под вечер...
О, солнцем оплавленный облачный глетчер,
Сползающий тихо по склону небес!
Над пыльной землёй золотое горенье.
О, как удивительно мне повторенье
Всех ежевечерних бесплатных чудес.

Без сил и без слов в золотой паутине
Мы сами детали в великой картине.
У всех знатоков вызывая слезу,
Несутся в простор, вырываясь из рамы,
Воздушные замки, небесные храмы
И две золотые фигурки внизу.

Но всех занимают земные заботы,
И люди бегут торопливо с работы.
О, если бы знали сейчас москвичи,
Что кто-то богатый капризно и щедро
Раскрыл нам сокровищниц тайные недра,

Вручил нам с тобой золотые ключи.

Пусть каждый своею заботою занят,
Но пальцем коснёшься – и золотом станет
И камень дорог, и деревьев листва.
Из боли, из пыли, из грязи, из брани...
А в окнах играют алмазные грани,
А в сердце моём золотые слова.

Как жалко, что праздник чудесный не вечен,
И в ночь отступает увенчанный вечер,
С улыбкой, короне, ликуя, лучась...
И, в сердце храня дорогие секреты,
Мы нынче алхимики, маги, поэты
И в блеске заката калифы на час.

* * *

Что за птица поёт по утрам за окном,
О каком неизвестном мне счастье земном,
Отчего голосок серебритя?
Видно вскормлена сказки жемчужным зерном
Незнакомая странная птица.

И как будто кругом не бензиновый чад,
И как будто в окно мне глядит райский сад

В окруженье московского лета,
А нездешние песни звучат и звучат...
Или, может быть, снится мне это?

Что за дивная гостья в обычном дворе?
Что ты мучишь мечтою меня на заре,
Невидимка, вещунья, зарница?
Нету слов в обедневшем моём словаре,
Пусть мне песня и птица приснится.

Гамаюн или Сирин, а вдруг Алконост?
Меж каких ты летала полуночных звёзд
И зачем ты сюда залетела?
А с небес опускается радуги мост,
И напев твой извечный прозрачен и прост,
Как душа, что так рвётся из тела.

Сокольники

Сокольники, Сокольники,
Мелодия простая,
Как будто с колоколенки
Вспорхнула птичья стая.

Как будто сердце сызнова
Звенит колоколами,
Внезапно в небо брызнули
И вспыхнули крылами.

И слышно рифм лепечущих
Глухое бормотанье...

И стая крыл трепещущих,
Как сердца трепетанье.

* * *

Две девушки, словно с картины Гогена,
Раскосость их глаз и жемчужная пена
Зубов, что в улыбке не прячут они,
Богини среди городской толкотни.

Из красок, из зарослей юго-восточных
Их лица и сладость имён их цветочных.
В московском метро два шедевра живых,
Дикарки в шуршанье плащей дождевых.

Как блюда из риса без острой приправы,
Как редкие камни без должной оправы,
Как статуи обломки в высокой траве,
Две смуглых фигурки в дождливой Москве.

Известно мне: счастье и радость мгновенны.
О, боль и восторг, как из вспоротой вены!
Но гений хотел удержать неспроста
Движение жизни в пределах холста.

Идут по Москве, на витрины глаза,

И им неизвестно, что зале музея
Поймал их, забрал их в пленительный плен
Беспутный художник, бессмертный Гоген.

Музыкальный день

А день сегодня музыкальный:
С утра шумит листва и кровь.
Дождь на поверхности зеркальной
Пруда с налёта выбил дробь.

Звенят на дереве пичуги,
Звенит трамвай, звенит в ушах...
И ливень выплеснул в испуге
Воды серебряной ушат.

Плетётся звуков паутинка
Весь день из горлышка птенца,
А за стеной поёт пластинка
Одно и то же без конца.

Над крышей голубь крутит сальто,
Аккомпанируют часы
Скольженью солнечного альта
Сквозь туч органные басы.

И голос человека странно

Плывет, вплетаясь в лес и плёс
Под лепет лип, дождя сопрано —
До дна, до облака, до слёз

* * *

Так приходит ко мне это чувство,
Я назвать не сумею его,
И сжимаются пальцы до хруста,
И не вижу вокруг ничего...

Так грозою смывается проза
С городской утомлённой листвы,
Так срывается музыки роза
Со смычков «Виртуозов Москвы».

Это, может быть, вовсе не сладко,
Это гибелью, может, грозит...
Но таинственной жизни разгадка
В душном мраке озоном сквозит.

За предчувствие этого мига
Даже счастье не жалко отдать.
Небо настезь раскрыто, как книга,
В звёздных знаках вольготно блуждать.

Только длится не дольше мгновенья
Беззаконно-свободный полёт,
И земное ярмо вдохновенья
Борозду в скудной почве ведёт.

И расплата придёт за паренье,
Растворенье в пространстве хмельном...
Но останется сердца прозренье
В почве каменной звёздным зерном.

Цветной бульвар

Цветной бульвар,
Где свой товар
Предложит вам центральный рынок,
Глаза и ноздри дразнит снедь,
Но вовсе ни к чему краснеть
Цветам из-за соседства крынок.

Цветной бульвар,
Блестящий шар.
И пляшет девочка на шаре,
Чтоб вниз сорваться с высоты.
Рукоплесканья и цветы
Циркачке публика подарит.

Цветной бульвар,

Столь дивный дар,
И хлеба нам, и зрелищ хватит.
Так обаятельно нелеп —
Циркачка добывает хлеб
Торговка в цирке деньги тратит.

Цветной бульвар,
И млад, и стар,
Забыв об оболочке брэнной,
Следит, дыханье затаив,
Как девочка, цветок схватив,
Летит, пугая, над ареной.

Но кончен бал,
Пустеет зал.
Домой циркачка с сумкой едет
С любой хозяйкой наравне.
И в нереально-чудном сне
Цветочница полётом бредит.

Казанский вокзал

Вокзал, потонувший в чужих голосах,
Вокзал – средоточие чуда и дряни.
Вокзал, где встречают южан северяне,
Где дух путешествий шумит за дверями,
И знак Зодиака повис на часах.

Вокзал, где король – бородач с рюкзаком
Среди чемоданно-вагонно-багажных
Отчаянных слёз и решений отважных,
Объятий прощальных, сигналов протяжных,
И светится шпиль с золотым петушком.

Вокзал... Так призывно гудят поезда,
Что выбрать свой путь я должна непременно.
Одна из дорог – для души перемена,
И ждёт на другой меня злая измена,
А третья ведёт неизвестно куда.

Вокзал – это выход из всех тупиков —
От страхов и крахов, любовных агоний,
Мелькнуть в пролетающем мимо вагоне,
Хотя бы на время уйти от погони,
Хотя б на минуту лишиться оков.

Московская сказка

Московская старая сказка,
Татарская странная пляска —
Смешалось всё в доме Облонских
На стогнах почти вавилонских,
Где властвовал деспот восточный,
Не спавший порой полуночной,

Великие планы лелея:
Темницы, дворца, мавзолея
И башни громадной до неба
Из слёз да мякинного хлеба.
Московская древняя маска,
Дремучая страшная сказка,
Но будучи прахом и пылью,
Ту сказку мы делали былью,
Где в замках трёхглавые Змеи,
Во тьме кабинетов Кощеи,
А мы остаёмся веками
В той сказке всегда дураками.
Любимая бабкина сказка,
Развязка и тайны огласка,
Идя нескончаемым краем:
Куда и зачем – мы не знаем,
И нам остаются в итоге
В погибель три разных дороги,
Мечтанья, блужданья без толка
По царствию серого волка.
Пасхальная яркая краска,
Московская вечная сказка,
Где друг снова ищет подругу,
Где чувства кочуют по кругу,
Где сердце стучит одичало...
А сказка плетётся сначала.

Грайвороновский проезд

Непрестижный проезд,
Сколько крика окрест,
Воровского вороньего грая,
Словно горький протест
Тех продымленных мест
Над землю возник, замирая.

И летит наугад
В Александровский сад,
Где другой ему крик отзовется,
И разбудит Арбат
Этот грозный набат,
И от страха душа встрепенётся.

Тёмный старый подъезд,
Безнадёжности жест

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.